

Автандил Гарцкиа

МЫ ЗА ГУМИСТОЙ

Рассказ

Сухум – 2017

УДК 82–3

ББК 84(5А6х)6–442

Г 21

*Издан Комитетом по вопросам молодежи и спорта
Администрации в рамках акции, посвященной памяти
воинам, погибшим в мартовской наступательной операции*

Гарцкиа, А. З.

Мы за Гумистой. Рассказ / А. З. Гарцкиа. – Сухум: «Дом печати»,
2017. – 96 с. Г/р: 978–5–111–08–02017.

В марте 93-го. Война одних людей (меньшинство) толкает к героизму, а других – к трусливым поступкам и даже предательству. Место в истории каждого человека определяется не только общественным вкусом и банальными реалиями, но в значительной мере и состоянием общества.

Нет того, кто не боится смерти, но мне довелось встретить людей, презревших страх. Много званых, но мало избранных – так написано в Книге. Когда человеку 20 лет, смерть не воспринимается им как конец всего. Острота чувств опережает сознание. Перед лицом смерти эти люди дрались как настоящие воины, и смертью попрали смерть. Они и есть настоящие патриоты. Они в минуту опасности сделали осознанный выбор и предложили себя в жертву родине. Это был героизм не по команде; он шел от сердца. Лучшие традиции воинов-горцев оказались живы. Кости этих бесстрашных и молодых солдат стали фундаментом для новой страны.

© Гарцкиа А. З., 2017

Предыстория

О том, что готовится войсковая операция по всему гумистинскому фронту, я узнал в штабе, приблизительно за неделю до события. Это было секретной информацией, но говорить в то время о тайных замыслах не приходилось, так как фронт и тыл были рядом. Тогда мы учились всему по ходу дела. Наш отряд, численностью 42 человека, уже побывал в трех наступательных операциях и последние две недели находился в Верхней Эшере.

После двух предшествовавших неудач, в начале ноября в Шроме и 5 января на Гумисте, в Главном штабе решили создать штурмовые батальоны для прорыва переднего края обороны противника по всему фронту, в лоб... Лично мне сам план показался логичным и вполне реальным. Внезапный, ночной, и что немало важно – отсекалась артиллерия противника, по крайней мере, в начале боя, так как пришлось бы войти в непосредственное соприкосновение с противником.

Штурмовиками становились не специально подготовленные подразделения, а небольшие отряды, собранные по всему фронту. Человеческий ресурс был

небольшой, но и выбора тоже не было. Само слово «штурмовики» придавало нам особую значимость, окруженную ореолом храбрости и долей авантюризма. Это уже была другая ответственность, сопряженная с большим риском. Получалось, что ты становился немногим выше других...

Формировались отряды на добровольной основе. В большинстве своем их участниками были молодые люди от 18 до 25 лет, которые сознательно шли на дело, и только надежда на счастливый «случай» согревала их сердца. Не зря говорят, что надежда умирает последней. Среди них были и такие, кто записывался в «штурмовики» за компанию – брат шел с братом, друг с другом, а сосед с соседом. Не всегда это было хорошо, так как в бою главное – это умение и бесстрашие, которые держатся на вере и силе духа.

Несмотря на серьезность операции, нашлись и такие, кто шел в бой без оружия, в надежде что достанут его в бою. В основном это были те, кому еще не исполнилось 18. Их не брали в отряды из-за возраста, но они все равно шли в бой.

Перед боем

Наш отряд сняли с позиций, и мы поехали на побывку домой в Гудауту, набраться сил. В душе каждый из нас понимал, что готовится нечто очень серьезное. Зачислили нас в батальон Владимира Начач, заместителем которого был Фридон Авидзба. О том, что формируются штурмовые батальоны, мы старались никому не говорить, потому что об этом могли узнать наши родители, которые за весь период войны так и не сомкнули спокойной глаз. Но наши матери обладали сумасшедшей интуицией. Они всё чувствовали. И многие из них, ночью, тайком, когда мы спали, вшивали шелковые нитки нам в нательное белье и одежду. О чем они тогда думали, наши самые сильные духом мамы, одному Богу было известно...

По приезду в родительский дом, где меня ждали и где к маленькой двухгодичной дочери прибавилась еще одна, только что родившаяся, я никак не мог расслабиться и отдохнуть. Голова была забита предстоящей операцией, и ни на что другое я не мог переключиться. Не зря же сказано – время войны!

Почему-то больше всего я думал о том, что в первые часы ночного штурма нам придется столкнуться с танками и БМП противника, так как грузины без них в бой не ходили. И я решил, для собственной уверенности, как можно лучше изучить устройство гранатомета.

Вспомнился один случай, когда наш отряд дошел до Псоу, а потом сразу же рванул в сторону гор вдоль берега

реки, догоняя противника. Тогда по дороге мы отбили у грузин БМП. Чак (Вадим Чкотуа) стрельнул в него из гранатомета, но не повредил, а экипаж, оглушенный взрывом, выскочил из машины и убежал через реку в сторону российской границы. Мы не стали тогда в них стрелять. Зато у нас была своя техника. Это был первый трофей. Написали на нем: «Эвкалипт» – и гоняли на этом БМП по всему берегу в верховьях Псоу, в районе села Сальме.

При всех отличных ходовых достоинствах у этой машины был один недостаток. Сидеть внутри него и ехать было невыносимо тяжело из-за шума, а если по тебе стреляют даже из пулемета, не говоря уж про гранатомет, то желание было одно – выпрыгнуть и искать тихое место. Гул внутри стоял несусветный. Всё равно что консервная банка. Много мы сделали экспериментов со стрельбой по нему и поняли, что нашему отряду он ни к чему, и потому отдали его в бронетанковые войска. В наших условиях БМП был хорош только в закрытых позициях. Немногим лучше было сидеть и внутри танка, но и здесь тебя очень сильно оглушит, даже если снаряд не прожжет броню...

...Вадим привез мне домой РПГ-7 с двумя снарядами. В общих чертах я, конечно, знал, как им пользоваться, но решил довести свои действия до автоматизма. Штаб находился недалеко, и я нашел там инструкцию по РПГ-7. Выяснилось, что гранатомет состоит из 48 частей, а не из трех, как нам казалось на первый взгляд: ствола со спусковым механизмом, снаряд-ракеты и порохового заряда.

Все оставшиеся пять дней до наступления я с утра до ночи, особенно в темноте на ощупь, то и делал, что заряжал и разряжал гранатомет. Снимал с предохранителя, прицеливался, нажимал на курок и приучал себя держать рот открытым, чтобы не оглохнуть от выстрела, как это было написано в инструкции, и обязательно закладывал вату в уши. Делал я это во всех позициях – и стоя, и лежа, и с колена. В предпоследний день я поехал в карьер на Белой речке и выстрелил два раза боевыми по произвольным мишеням. Это было отличное оружие, способное поражать бронетехнику и низколетящие вертолеты, если не считать один существенный минус. Реактивная струя порохового заряда, выходящая сзади трубы, могла нанести серьезные повреждения человеку на расстоянии 25 метров, не считая контузии от самого выстрела...

Так пролетели пять дней. Конечно же, в душе я понимал, что всё это может не пригодиться. А в контактном бою, где счет идет на доли секунды, будет не до точнейших прицеливаний и поправок на боковой ветер. Но от твоего владения оружием зависело, будешь ты жить или нет, потому что атрибутом войны является оружие, для того чтобы стрелять и убивать, и ты должен это сделать намного раньше и точнее, чем твой противник.

За пару дней до начала операции командира штурмового батальона Владимира Начач перевели на должность военного прокурора Абхазии, а на его место назначили Фридона Авидзба.

День первый

16 марта 1993 года, 23 часа 30 мин. Командный пункт нашего батальона находился внутри небольшой сопки, рядом с автотрассой в районе Верхне-Эшерского ГАИ. Уже ближе к полуночи туда были вызваны все командиры подразделений для всякого рода уточнений, которые имели место перед любой предстоящей операцией. Керосиновая лампа еле освещала край стола, на котором была развернута карта. Было видно, что Фридон Авидзба и Закан Нанба немного волновались, как и бывает в таких случаях, так как вся ответственность на их участке возлагалась на них.

О том, что накал страстей вокруг этой операции достиг апогея, мы убедились уже через несколько минут... Пока мы обсуждали детали предстоящего штурма, к нам попросились зайти несколько вооруженных автоматами бойцов, человек 10-12. И один из них, которому, видимо, было поручено говорить от имени всех, сказал: «... Пришли к вам в надежде, что поймете нас... не сможем мы идти штурмовать, не хотим вас обманывать и подводить, не хотим, чтобы на нас надеялись в бою... вот наше оружие... но мы отсюда не уйдем; может быть, наша помощь понадобится в чем-то другом...» Они положили свои автоматы на стол и, опустив головы, вышли.

Мы переглянулись, но ничего не сказали. Да и что можно было сказать? Мы знали, на что идем. Получалось, что кому-то жить хочется больше, чем тебе... Но тогда об этом не хотелось думать. Тогда мы верили в по-

беду и были на кураже, как перед стартом. Да и как без веры? Она всегда поддерживает нас.

Начало атаки было назначено на час пятнадцать ночи 17 марта. Двести бойцов на нашем участке фронта ждали команды. Им предстояло прорвать линию обороны в районе висячего моста, напротив бывших казарм восьмого полка, где дислоцировался грузинский штаб. Этот штурмовой батальон в составе первого эшелона выдвинулся на исходный рубеж. Второго эшелона пока еще не было. Он пока на подходе. На него возлагалась стратегическая задача, но сейчас всё внимание на первый, потому что ему всегда больше всего достается.

Ночь выдалась на редкость темная. В трех шагах ничего не видно. Наш отряд неспешно, на ощупь, спустился по холму к рубежу атаки, прямо к берегу реки. Гумиста в эту ночь шумела, и мы почувствовали ее сырой запах и прохладу. До противника метров 300, не больше. Располагаемся в полуразрушенных домах, до начала меньше получаса. Рация молчит, в эфире режим тишины.

Еще наверху, в нашем штабе, Фридон Авидзба, сказал мне:

– Слушай, останься здесь, будешь управлять по рации, а я поведу батальон в атаку. Все равно не смогу здесь сидеть

– Давай не будем уже ничего менять на переправе. Ты комбат, и должен сам управлять батальоном, от этого зависит успех боя, – парирую я.

Мы недолго спорим, и он всё же уступает, видимо, осознавая, какой груз ответственности лежит на нем, и тут же снимает с себя ЗК (водонепроницаемый костюм) и передает мне.

– Возьми вот, тебе это сейчас больше пригодится, чем мне, вода очень холодная.

Я сначала отказываюсь, мотивируя тем, что ему по ходу дела, быть может, придется самому форсировать реку. Но он всё же настоял на своем.

Если бы я знал тогда, что нам больше не суждено увидеться, что это наша последняя встреча... Фридон был очень честный и совестливый человек. Намыс змоу иакун... Спустя три дня мне стало известно, что Фридон Авидзба пал смертью храбрых: встав в полный рост, средь бела дня, хотел повести в атаку второй эшелон, который почему-то всё время запаздывал и вышел на рубеж атаки слишком поздно, полностью сорвав план операции.

Но тогда всего этого нам еще не суждено было знать... Тогда мы все как один сидели и молчали, потому что до наступления оставались считанные минуты, и каждый думал о своем. Впервые я произносил в душе слова молитвы: «Отче наш, сущий на небесах. Да святится Имя твое!...» И именно здесь я обратил внимание на то, что в каждом слове этой небольшой молитвы содержится нечто великое и большое, и, для того чтобы понять ее, не хватит, возможно, всей жизни. Перестав молиться, я попросил у Него только одного: чтобы ни взглядом, ни жестом, ни дрогнувшим нервом и ни-

чем иным не показал кому-либо, что я боюсь за свою жизнь, ибо иду я на святое дело, и пусть Он вселит в меня столько веры и духа, сколько потребуется. Потому что сам по себе человек без веры ничего из себя не представляет, ткнешь его иголкой – и он уже никто. И еще я знал, что для всего этого нужна вера... Непоколебимая!

И вот в этой щемящей сердце тишине я увидел, как начинал свою игру Джон Агрба. Он уже был командиром взвода и ему дополнительно был придан небольшой отряд из 20 армян. С Джоном мы были ровесниками, и шел каждому из нас 34-й год. Помню, в пятом классе, после уроков, он ежедневно ходил в кино, а если фильм был хороший, и особенно про войну, то готов был смотреть его всю неделю. Кино было его главной страстью, и я точно помню, что он не пропускал ни одного фильма, пока мы учились вместе. Джон обладал необыкновенной силой духа и чувством справедливости, а его действия всегда были пропитаны долей юмора.

Вспомнился случай, когда после неудачной шромской операции нас везли на машинах через лес и мы ненадолго остановились. В этот момент кто-то у кого-то украд автомат. А тот, у кого украли автомат, был нашим соплеменником из Турции. Я был в другой машине, и, пока я приходил в себя, Джон решил провести собственное расследование. Он всё-таки нашел того, кто укрывал автомат плащ-палаткой в кузове машины, сидя на нем.

– Это чей автомат? – спросил Джон.

– Это мое оружие, – ответил потомок махаджиров, непонимающе глядя на нас. – Я заснул в дороге на минутку, а когда проснулся, автомата не было.

Джон держал флягу в руках и этой флягой с размаху стал бить по голове того крадуна. И бил до тех пор, пока тот не упал, и я его не остановил. Много гневных слов он сказал в его адрес... После этого он отнял у него оружие и высадил из машины...

И вот теперь у Гумисты, видимо, чтобы разрядить обстановку, Джон в свойственной ему манере, улыбаясь, загадывает нам загадку на «дурачка».

– Ора, абхазцы, чего приуныли? Лучше отгадайте одну загадку, очень смешную. Как думаете, в чем разница между апельсином и задницей?

В этот момент никто не ожидал такого вопроса. Сначала все заерзали, заулыбались, а потом стали появляться ответы – один глупее другого.

– А-а-а... сдаетесь, абхазцы, да? – смеясь, спросил Джон.

– Абхазцы не сдаются, – спарировал кто-то, – абхазцы могут не знать... Давай рассказывай сам, чем они отличаются.

– Ну что же, – медленно произнес он, – понюхайте, тогда и узнаете!

На мгновение воцарилась полная тишина. Но спустя секунду мы все смеялись, держась за животы и обливаясь слезами. Смеялись скорее над собой, что не смогли ответить на такой простой вопрос. Хорошая разрядка перед боем – ничего не скажешь...

Петрович (Анзор Кварацхелиа) вытащил из внутреннего кармана бушлата маленькую фляжку и предложил мне выпить. Стыдно признаться, но в жизни больше всего я боялся холода, и то обстоятельство, что сейчас придется войти в ледяную воду, бросало меня в дрожь. Сколько не занимался закаливанием, так ничего и не получилось.

– Это коньяк... хорошо согревает, – со знанием дела сказал Петрович.

– Ну, давай, если согревает.

Я выпил два хороших глотка и через секунду «вспыхнул». Действительно, внутри стало тепло.

– Хорошо! Как называется твой коньяк, Петрович?

– Кажется, «Кенигсберг».

– Надо же, а я там учился.

– Ну, тогда давай за это еще по глоточку; может, больше не придется, – пошутил Петрович.

– Да уж, это тебе не Восьмое марта, Петрович... «Шанелью» здесь не пахнет... в лучшем случае порох и тротил...

Артобстрел по позициям грузин быстро привел нас в чувство. Это означало, что следующий удар по противнику будет уже за нами.

Кто-то из бывалых на этом фронте дает команду: «Приготовиться саперам и разведчикам!.. Где саперы и разведчики, мать вашу?! Найдите их немедленно!» Слышу, как ему отвечают: «До атаки – все разведчики. А как в атаку идти, никто не хочет быть сапером и разведчиком, все хотят быть штурмовиками... утонченная работа не для нас...»

Артиллерия слишком быстро перестала бить по переднему краю противника и перенесла его вглубь. Наконец-то в эфире звучит команда «Вперед!». Ну что же, вперед так вперед, здесь уже каждая секунда дорога. Уверенные в успехе операции, мы броском вышли на каменистый берег Гумисты без саперов и разведки.

– Давай-давай, – говорю я кому-то напряженным голосом, – всем вперед, не отставать...

Так мы, без единого выстрела, чтобы не обнаружить себя, вошли в реку... Но как только дошли до середины, неожиданно прямо напротив нас заработал грузинский пулемет, а после – и слева, и справа, прочесывая весь берег. Только крошечная темнота спасала нас от прицельного огня. До противоположного берега оставалось каких-то метров 70-80. Уж очень не хотелось быть скошенным в самом начале атаки. Вот тебе артподготовка, вот тебе обещанная авиация, вот тебе разведка, вот тебе и брод. «Не зная брода, не суйся в воду!» – на ходу вспоминаю мудрый совет, но где время до прописных истин. Одна сейчас задача – как можно быстрее пересечь водную преграду.

Стреляя на ходу, мы шли по скользкому дну. Река холодная, а мы все в зимних бушлатах, набухших в воде, и, согнувшись в три погибели от тяжести боеприпасов, упорно пробирались к противоположному берегу. И, как в кино, вокруг нас шлепались об воду пули. Но и мы тоже, умудренные опытом предыдущих боев, вели плотный огонь в сторону противника со всех стволов. Двое бойцов, один за другим, были тут же ранены. Те,

кто шел рядом, замешкались, хватая их и не зная, что делать дальше.

– Не останавливаться! Не останавливаться! – кричу я во всю глотку. – Двигаться дальше... Двигаться! Передавайте их друг другу, по цепочке, к берегу. Мы с Джоном оказались в середине группы, и он мне старается быстро что-то сказать:

– Слушай, ни хрена себе... брызги от пуль! Я думал, что такое только в фильмах бывает. Кто бы мог подумать?! Помнишь, когда пацанами войнуху ходили смотреть? Еще переживали... думали их по-настоящему убивают. А теперь мы на их месте. Разве такое бывает?! Не знаю, как тебе, а мне это смешно...

– И мне смешно, Джон, что мы это посередине реки обсуждаем... Умпсыр – егыубап (если не умрешь, и не такое увидишь).

Каким-то чудом наш отряд без особых потерь добрался до противоположного берега, который, к нашему счастью, имел крутой, обрывистый склон в человеческий рост. Для противника мы оказались в мертвой зоне. После ледяной реки пару минут ушло на то, чтобы ребята пришли в себя. Теперь я понял, что значит, в прямом смысле, выйти сухим из воды. Вспомнил добрым словом Фридона, который дал мне прорезиненный костюм, который я тут же скинул с себя, думая, что он больше не пригодится.

Дальнейшее промедление было подобно смерти. Теперь уже мы должны были прикрывать форсирование остальной части батальона, который шел за нами.

Однако высунуть голову было невозможно: вражеские пулеметы строчили неустанно, соревнуясь друг с другом. От нас до ДЗОТа уже метров 100. Слышны возбужденные голоса грузин. Вокруг треск от выстрелов и страшная матерщина.

– Гранатометчик! – кричу я Зюбе (Зурабу Агрба). – Видишь, откуда бьет? Давай, браток, надо заткнуть глотку этим подлюкам!

Зюба привстает на секунду и стреляет, но в момент выстрела почему-то дернулся, хотя отдачи от гранатомета не бывает. Черт, мимо! Перезаряжает, возится. Второй выстрел. Опять мимо!

Э-эх, колотит парня... Волнуется, и я знаю почему. А пулеметчик еще больше огрызается.

– Да-ай сюда, и снаряды готовь, быстрее только!... Прикройте, – даю я команду, – сейчас мы устроим им Варфоломеевскую ночь...

Все начинают стрелять. Я приблизительно знаю, откуда бьет пулемет, по огонькам от выстрелов. Высовываюсь по пояс, навожу по стволу, нажимаю курок... Выстрел, взрыв... Опускаюсь на колено, быстро перезаряжаю и стреляю туда же, и так три раза. Вроде попал, пулемет не отвечает, но откуда-то еще стреляют. Людей невозможно поднять, и к тому же перед нами – заминированный участок поля.

Пока мы вели огонь, остальная часть батальона перешла реку, и в этом месте нас уже скопилось немало. Было понятно, что минные поля вдоль берега для всех стали проблемой. Подошел со своим отрядом и Игорь

Дармаа. Статный, красивый мужчина, который одним только видом мог вселить уверенность в кого хочешь. С таким и слабый становился сильным.

– Черт возьми, – говорю, – господа штурмовики, стыдно, надо встать и идти вперед, нет другого выхода. Если задержимся здесь, закидают нас минометами. Давайте, прикрывая друг друга, прорываться на дорогу.

Мы быстро договариваемся с командирами... Левый фланг открывает огонь. В этот момент Игорь говорит мне:

– Я иду первым, а все остальные за мной след в след, и не останавливаться, даже если кто-то подорвется.

Он встает в полный рост, и стреляя на ходу, проходит минный участок. Мы сразу ринулись в эту брешь и, прорвав первую линию обороны противника, вышли на асфальтированную дорогу, ведущую на главную автотрассу, к «зеркалу». Дальше слышны только стрельба, чьи-то голоса, стоны, появились первые раненые.

Взяли влево... Ничего не видно, слишком темно. Грузины пошли на хитрость. Прекратив стрелять, они забросали нас ручными гранатами, но нас уже невозможно остановить, инициатива на нашей стороне. Слышу, как Варлам Тванба из Дурипша подгоняет ребят: «Вперед! Вперед, ребята! Бей гадов! Мать их за ногу... Прогоним этих переселенцев!»

Пройдя какие-то недостройки, идем по заданному маршруту. В такой кромешной темноте немудрено оставить противника за спиной, но останавливаться нельзя. Сейчас главное – темп, шокировать противни-

ка, а недобитков добьет второй эшелон, который, наверное, уже близко.

До поворота, там, где «зеркало», оставалось метров двести. Вдруг слышим шум моторов. Два БМП на полной скорости идут один за другим по узкому коридору шоссе прямо на нас, врезаясь в наши ряды и освещая дорогу тусклым светом. Вот это да-а-а... Мы быстро располагаемся слева и справа от дороги. Но как подбить их? Слишком близко. Вполне возможно, что сам пострадаешь от выстрела. Да и как стрелять в толпе из гранатомета? Пороховая струя может покалечить на большом расстоянии... И все-таки Чак каким-то образом изловчился, предварительно дав команду «Всем лечь!», и успел стрельнуть в уходящий БМП. Снаряд попал прямо в башню. Огненные брызги разлетелись в разные стороны. БМПшка, не останавливаясь, так и ушла от нас. Первый блин комом. Обидно было, конечно, что упустили такой «подарочек».

В той операции ни у кого из бойцов не было ручной противотанковой гранаты, действие которой направлено сверху вниз, так как после броска открывается маленький парашютик. Зато гранатометов было хоть отбавляй, но и здесь были свои недочеты: снаряды к ним оказались осколочно-фугасные, а не кумулятивные, которые способны прожигать броню. На войне мелочей не бывает. Любая промашка – это гибель людей. Вспомнилась фраза Наполеона, который сказал: «Искусство войны – это единственная наука, где не получится ничего, кроме того, что продумано и рас-

считано до конца». Великая правда! Но нам было не до выбора тогда, и то оружие, что было у нас на руках, мы считали Божьим даром.

Пока нам везло. Непонятно было только, почему БМПшки проскочили мимо нас, так и не сделав ни единого выстрела. Было похоже на то, что не ждали они нас ночью. Перебежками, от укрытия к укрытию, продвигаемся дальше. Один за другим вспыхивают строения, и, видимо, в одном из них был грузинский штаб, так как там стояло много разных машин, которые мы тоже сожгли из гранатометов. В это время нас начинает обстреливать крупнокалиберный пулемет на сопке. В проблесках огня вижу, как чей-то отряд со знанием дела залег вдоль ограды у дороги, вытянувшись гуськом. Подхожу к первому лежащему и узнаю Гену Маан, бывшего афганца. У него в отряде есть опытные волкодавы; одного из них, Руслана Ладариа, тоже прошедшего Афган, я знал. Это хорошо, что они здесь...

А пулеметчик бьет так, что пули, попадая в асфальт, разлетаются, подобно фейерверку. Но он допустил непростительную ошибку: у него в ленте были одни трассеры. Чак и Зюба дали туда по два выстрела, и он заглох.

Недалеко от себя слышу знакомый голос:

– Куда? Куда идете, ядрёна мать! Что, домой собрались? Мы вперед идем, а вы – назад?! Поворачивайте нафиг!

Чувствую что-то неладное. Подхожу... Стоят Джон Агрба и Алмасхан Лакоба с наведенными на группу ребят (человек пятнадцать, не меньше) автоматами.

– Кто такие? С какого батальона? – спрашиваю я их. Все молчат и тяжело дышат. Не могут выйти из состояния шока... Паника.

– Кто ваш командир? Отвечайте быстрее, – кричу во всю глотку.

– Мы не знаем, кто наш командир. Мы сами здесь... У нас... У нас двое раненых... Не знаем, что делать.

– По два человека на раненых, всем остальным поворачиваться – и вперед. Кто сказал, что нас убьют?! Всё будет отлично... Прорвемся!

Со стороны кемпинга взлетели две зеленые ракеты. «Слава Богу, наконец-то кемпинг взяли», – думали мы.

– Вперед, ребята! Вперед!.. За Родину! – и с криком «Ура-а-а!» продвигаемся вперед.

Еще один бросок – и мы оказываемся у развилки.

Но часть «штурмовиков», видимо, не сориентировавшись в темноте, в азарте ушла далеко вперед по автотрассе, километра на два, прогоняя грузинскую бронетехнику. Как позже стало известно, они дошли с боями до бензозаправки со стороны кладбища. В этой группе оказались самые инициативные и мощные воины, которые личным примером вели бойцов в атаку. Но здесь они все оказались вместе. Это были Игорь Дармаа, Джон Кварацхелиа, Дима Аргун, Закан Нанба, Дима Авидзба, Авто Дзидзариа, Виталик Габниа, Аслан Барцыц, Нурик Хагуш, Оскар Гвазава, Руслан Кварацхелиа, Гоча Дзидзария, Варлам Тванба и гранатометчик Вадим Чкотуа (Чак).

Участь этой группы была трагичной, хотя сначала всё складывалось благополучно. У Руслана Кварацхелиа (Клёпа) была рация, но она намочила во время форсирования реки и вышла из строя. И теперь они шли вперед в полном неведении. С первым танком они столкнулись лоб в лоб уже на перекрестке, ведущем на улицу Гречко. Чак, Нурик Хагуш и Аслан Барцыц подошли к нему на расстояние вытянутой руки. Стрелять было нельзя, а отойти от него тоже было рискованно, можно было промахнуться в темноте. Чак снова каким-то образом выстрелил в него и попал в башню. От выстрела башня на секунду раскалилась докрасна, но танк, развернувшись, всё-таки ушел на безопасное расстояние. Ночь, с одной стороны, была спасительна, а с другой – ограничивала возможности.

Продвигаясь дальше, они столкнулись с БМП, по которому Чак снова сделал выстрел, но и БМП также ушла в темноту. Эта группа решила преследовать и гнать грузинскую бронетехнику дальше. По дороге они взяли несколько грузин в плен. И вот, уже в районе школы, они опять увидели в темноте стоящий танк. И хотя у нас был уговор, что вначале боя мы будем всё уничтожать и сжигать, ребята, видимо, подумали, что танк нам и самим пригодится. Оставили его, решив, что за ними идут наши. Но, как оказалось, в танке сидел экипаж и всё видел в приборы ночного видения. Они тоже, видимо, не предполагали вот так, лоб в лоб, столкнуться с нами. Оценив ситуацию, экипаж танка произвел выстрел осколочным по уходящей группе бойцов.

Среди них был Авто (Алексей) Дзидзариа – сильный духом и уверенный в себе уже взрослый мужчина лет 35, воевавший на гумистинском фронте с первых дней. Этому человеку было неведомо чувство страха, и потому пулям он никогда не кланялся. Дзидзариа получил смертельное ранение, но был еще жив и держался из последних сил. Еще три человека получили ранения. Оказавшись в одиночестве, эта группа решила вернуться коротким путем, напрямик к берегу реки, думая снова объединиться с нашими.

Около 11 часов утра, прорываясь с боями, они неожиданно для себя вышли прямо в логово грузин. К штабу, где дислоцировалось около двухсот солдат противника, которые вышли на построение на плац. Грузины тоже не ожидали увидеть с тыла наших бойцов. В этой безвыходной ситуации было решено, не мешкая, прорываться с боем через плац.

Стреляя на ходу и неся с собой Авто Дзидзариа, наши штурмовики смогли зайти в здание штаба и на время укрыться. Примерно пятеро солдат противника было уничтожено. В здании наши ребята ранили еще троих грузин и взяли их в плен. Игорь Дармаа, Дима Аргун, Джон Кварацхелиа, Чкотуа Вадим, Нурик Хагуш, Виталик Габниа и Дима Авидзба проявили здесь большое мужество и отвагу, но были окружены.

Грузины решили пойти с ними на переговоры, чтобы выволить своих из плена. И вот здесь уже свою роль сыграл Игорь Дармаа, прирожденный командир и очень решительный человек из категории тех, кто по-

кидает тонущий корабль последним. С ним пошли Джон Кварацхелиа и Дима Аргун. В обмен на своих грузины позволили нашим бойцам уйти вместе с раненым. Целый день наши бойцы лежали в воде, прямо на берегу, в небольших оврагах, потому как грузины не сдержали слова и обстреливали их всеми видами оружия, в том числе из самолета. В конце концов большинство наших ребят смогло вернуться, дождавшись темноты, но трое были убиты. А Игорь Дармаа до последнего оставался у грузин в заложниках, и его судьба оказалась трагичной. Когда грузины поняли, что он их обхитрил, они его расстреляли...

Такова была участь этой группы, которой просто не повезло; в других условиях она могла бы нанести противнику существенный урон.

...Начало пятого утра. Еще темно. Вытаскиваю небольшую рацию («арбалет») из полиэтиленового мешка. Рация в порядке. Кстати, у многих рации вышли из строя из-за того, что намокли батареи.

– 8-й, я 103-й, находимся у развилки. Что дальше?

– Ждать, ребята... пока ждать. Дела идут нормально. Слушайте эфир... сообщим, – отвечает мне Слава Анкваб.

А чего ждать – непонятно. Пока темно, надо до окраин города добраться и навести шорох. Да и штурм на то и штурм, чтобы всё делать быстро и чтобы никто не успел опомниться, причем как чужие, так и свои. А тут, оказывается, кого-то ждать надо.

Мы остановились в районе дома с зеленым набрегом, построенным одним армянином. Дом был очень

добротю сделан. Подвальное помещение – как бункер из толстых стен с маленькими вентиляционными отверстиями. Стены дома тоже были очень мощные. Ни один танк не смог бы пробить их первым выстрелом. Кровли не было, а была ровная заливная крыша с углублением. Стоя на крыше, можно было долго держать оборону. Хозяин будто готовился к войне. И во многом благодаря этому дому большинство из нас остались невредимыми. Во дворе друг против друга стояли два гаража, а перед этим двухэтажным домом стоял еще один, полуразрушенный. Так что ни танк, ни артиллерия противника не смогли бы бить по зеленому дому прямой наводкой, разве что если подойти со стороны дороги и стрелять с близкого расстояния, но для этого надо было уничтожить нас всех. Сам дом прилегал прямо к сопке, на склонах которой, да и в саду тоже по всему периметру росли цитрусовые деревья. Ограда со стороны дороги была сетчатая, а ворота во двор представляли собой обычные, решетчатые половинки.

Вот в этом месте нас и собралось человек 150 бойцов из разных отрядов. Только теперь мы стали понимать, как нам повезло. Проскочив минные участки, мы вышли на шоссе с наименьшими потерями. Одно было плохо для меня – сорвал голос, и теперь я его сам почти не слышал. Надо было помолчать хотя пару часов. Зову рядом стоящего Анзора Тания и знаками прошу передать команду. Теперь уже он кричит что есть силы:

– Всем занять позиции! Гранатометчикам укрыться в мандаринниках, верхние этажи домов не занимать, пулеметчикам держать фланги!

Ну что же, ждать так ждать. У нас было немного времени перед основным броском, и, думая, что здесь мы задержимся ненадолго, я решил осмотреться. Рядом со мной – мои друзья, с которыми я начинал войну, и поэтому на душе было спокойно.

Подходит Зюба Агрба и как-то виновато говорит мне:

– Ты не думай, что я струсил тогда. Я... я просто сильно волновался. Понимаешь, до моего дома отсюда километра два, я не видел отца и маму уже восемь месяцев. Просто боюсь, что не дойду.

Что можно было сказать на такое откровение? Да и с чем можно сравнить психологическое напряжение молодого человека, шедшего через ад к своим родителям, в свой родной дом, в свой родной город. И таких в отряде было немало.

– Дойдешь, браток. Все дойдем. Куда мы денемся. Мы уже за Гумистой. Еще и по стопочке успеем выпить за здоровье твоих родителей, – говорю я тихо.

Мы улыбнулись в знак того, что понимаем друг друга, и, ударив по рукам, разошлись по местам.

Стало светать. В эфире говорят, что всё нормально. Передают, что наши прорвались по всем направлениям. Непонятно только, чего нам ждать. Едва-едва удастся сдерживать ребят. Так и норовят бежать вперед, ворваться в город. Всё время спрашивают, когда пойдём дальше.

10:30 утра. Со стороны кемпинга послышался гул мотора. «Драпают гады», – подумали мы. Давайте-давайте... Сейчас встретим вас хлебом-солью. На восьмом месяце войны мы уже находились в таком состоянии духа, что злость и жестокость сменились презрением и ненавистью. Мы расположились во дворах близлежащих домов вдоль автотрассы. С тыла защищает сопка. Что ж, главное – есть спина. Для нас, абхазов, это самое главное, а в лицо пусть нам хоть сам дьявол улыбается.

Арзамет (Арзик) Тарба, Даур Зухба, Алмасхан Лакоба и Залим Шухов из Кабарды укрылись недалеко от гаража в мандариннике. БМПшка, идущая со стороны кемпинга, вот-вот появится из-за поворота. Смотрю на гранатометчиков: какие-то незнакомые ребята. Они чего-то забеспокоились, заметались. Молча тычу им рукой в сторону поворота, указывая, чтобы были готовы. Но вдруг они подбегают ко мне и дрожащими голосами, заикаясь, говорят: «Мы... Мы еще ни разу не стреляли... мы... мы...»

– Э-э-эхх, где же вы раньше были? – хриплю я. – Думали, они сами свои танки и БМП поджигать будут?

Но не успел позвать, как подбегают Даур и Арзик и, молча закинув свои автоматы за спину, вырывают у них гранатометы и укрываются прямо у дороги.

После я много раз задавал себе вопрос, почему эти совсем еще молодые люди так резко отличались от остальных? И всё время приходил к одному и тому же: они всегда горели желанием совершить подвиг. Дело было именно в желании, которое и находится в одной

упряжке с главным атрибутом подвига – инициативой. Только такие могли повести за собой людей. И именно такие люди в начале войны пошли первыми и показали, как надо защищать то, без чего жить нельзя. Да, не всегда таким достается победа, но только такие, как они, ее приближают. Эти двое красавцев отличались еще и необыкновенной харизмой. Высокого роста, блондины, белокожие, с тонкими чертами лица, отточенной фигурой, где ничего лишнего и никакой кривизны в телосложении. При всём при этом у них была чисто мужская стать. Не заметить их было невозможно.

Из-за угла на небольшой скорости появляется БМП. Шорох наводишь, падла слепая... Сейчас мы тебя угрожаем... Видно было, что грузины не ожидали увидеть нас именно здесь. Когда БМП оказался в проеме ворот, раздался один за другим два выстрела. Машину юзом унесло в кювет. Тут же из задних дверей выскочил грузинский десант, стреляя наугад... Человек восемь. Их перестреляли в ту же секунду, будто и не было. Дистанция боя – 20-30 метров. За всю войну это была первая и последняя операция, когда мы стреляли друг в друга на таком расстоянии. Увидеть на войне противника в мушку своего прицела на убойной дистанции – большое везение.

Выстрел был за Арзиком, хотя и еще кто-то попал, но снаряд отрикошетил и улетел в сторону.

Этому юноше было неведомо чувство страха, а его внешность совсем не сочеталась со страшным ликом войны. Но Арзамет тоже шел к себе домой, туда, где ро-

дился и вырос, в Сухум. И ничто теперь его не могло остановить. Увидев БМП, на котором виднелся номер 13, Арзик выскочил из укрытия и метров с тридцати выстрелил. Снаряд пробил броню и снес голову механика... БМП заглох прямо на обочине... Ни дыма, ни огня...

Как же нужна нам сейчас эта машина и кто бы смог ее завести и загнать во двор! Передали по цепочке, но никто не отозвался. Пауза затягивалась...

Вдруг мотор взревел, выпустив синее облако дыма. Включив задний ход, кто-то, сломав сетчатую ограду, заехал в мандаринник и остановился в метре от гаража. Смотрю и глазам своим не верю. Выходит из БМП Даур Зухба и, улыбаясь во весь рот, шутит:

– Товарищ командир, разрешите доложить...

– Не рискуй больше без прикрытия, – пригрозил я ему.

– Не знаю, как-то само собой получилось, больше не буду без прикрытия, – смеясь, по-детски отвечает Даур. – Там механик без головы, уже окочуренный. Наверяд ли мы его оттуда сможем вытащить, здоровый очень. Мне пришлось сесть на него и завести двигатель.

Этого мальчишку я любил как родного и боялся за него, потому что знал на все сто, что он никогда ни перед каким злом не остановится. Такой он родился. Помню его команду ровесников с десяти лет. Мальчишками они приходили в спортшколу и занимались почти всеми видами спорта. Им тогда было мало одного. А однажды, летом 1984 года, весь гудаутский пляж замороженно смо-

трел на них, когда эти пацаны, взобравшись на крышу самого высокого солярия, спрыгивали оттуда ласточкой в море. И больше всех выделялся Даур. Слово говорил всем: «Смотрите на меня, я не боюсь». Эти ребята у меня ассоциируются с одним фильмом, названия которого я уже не помню. Там группа мальчишек спускалась по реке на автомобильных камерах с песней: «...У моря, у синего моря, с тобою мы рядом, с тобою...»

Подбежали ребята из других отрядов, стали обниматься и поздравлять друг друга. А Даур, Арзик и Зюба – в состоянии эйфории. Это был их первый реальный бой и первая победа, и так просто они успокоиться не могли. Адреналин иногда похлеще наркотика. В БМП были полный комплект боеприпасов, а помимо этого – танковый пулемет калибра 7.62 со скорострельностью 1200 выстрелов в минуту и длинные ленты, снаряженные патронами, а также большой артиллерийский бинокль со шкалой, который принесли мне.

– Ладно, ребята, – говорю я им. – Не всегда так будет... Не расслабляться.

Мы снова все укрылись и стали ждать новостей в эфире...

Арзик зашел в гараж, надел наушники и стал слушать. Гараж был вроде командного пункта и оружейки. Кроме тех гранатометов и «мух», что были на руках у бойцов, здесь стояли постоянно заряженными еще пять-шесть гранатометов.

12 часов дня. Мы по-прежнему стоим на месте. Погода в этот день выдалась хорошая, мартовское солн-

це хоть как-то пыталось согреть нас своими лучами.
– Почему наши не идут? Что-то здесь не так, – тихо говорит мне Мераб Кове, не привлекая внимания ребят.

Он еле стоял на ногах, его лицо было обезображено пороховыми выхлопами, которые черной татуировкой впились в кожу. Еще ночью кто-то из гранатометчиков по халатности выстрелил у него под ухом. Здоровый, красивый парень, способный выполнить любое задание, был выведен из строя, но держался молодцом. Он был командиром замостянского края, а это – ответ на все вопросы.

– Что будем делать? Я почти ничего не вижу.

– Держись, Мераб. Как бы тяжело ни было, сделай вид, что всё нормально и, главное, знаешь, что делать. Сможешь прикрыть фланг со стороны кемпинга? По радиции говорят, что там вроде бы уже наши, но чем черт не шутит.

– По рукам. Отвечаю, брат. Всё, что смогу, сделаю. Тяжело ступая, он ушел к своим, и я был уверен, что с фланга мы будем надежно защищены. Вдруг вижу: летит ко мне стрелой Арзамет Тарба с радицией и возбужденно говорит:

– Что-то очень важное, послушайте!

Арзик еще не привык к радиции, но держится так, словно воевал всю жизнь. Потом я вспоминал, что это был единственный человек за всю войну, который называл меня на «вы», хоть я и запрещал ему.

– 8-й, я 103-й, как слышишь меня, прием...

– 103-й, вас могут обойти сверху, со стороны сопки. Вижу группу вооруженных людей. Будьте внимательны. Всё остальное остается по-прежнему.

Я быстро объясняю ситуацию, и уже Алмасхан Лакоба, Татка Дзидзария, Кува Еник, Анзор Тания, Гудал (Виталик Гудалия), Руслан Ладариа, Батал Лушба, Вова Кокоскир, Гуагу Айба и Тофа (Астамур) Маан бегут за дома и готовятся встретить противника, который решил обойти нас.

Послышались короткие автоматные очереди, заработал пулемет с крыши нашего дома. Потом этот пулемет будет строчить целый день, пока грузинский танк не собьет его, выпустив в него почти весь боекомплект. Я пока не знал, кто этот человек, который так азартно, без усталости строчит длинными очередями. И первое время не знали его и те, кого я туда посылал, так как он был из добровольцев. Оказалось, что это был приезжий, который отдыхал прошлым летом. Так и остался здесь... Он считал, что справедливость на нашей стороне. Ему было 18 лет.

Началось... Ребята наши пошли на хитрость. Пусть, думают, спустятся метров двадцать, а там посмотрим. Так и вышло. Открыли огонь. Грузины хотели полезть обратно, но где там, под таким углом особенно не разбежишься. Так и скатывались они кубарем прямо под ноги, скошенные метким выстрелом. Широко раскинув руки, десяток грузин лежали под мандаринами. Но одному всё-таки удалось уйти. Количество убитых мы считали по количеству трофейного оружия.

Анзор Тания заходит в гараж и, снимая с плеча три автомата, говорит:

– Впервые в жизни в мушку прицела видел врага – и как дроздика его подстрелил. А эти автоматы дай тем, кто пошел в бой без оружия.

Я вспомнил, что у нас Тофа Маан был без оружия и попросил ему передать автомат. Но Тофа уже тоже был с автоматом и нес еще два, на одном из них была сильно согнута газовая трубка, которую общими усилиями удалось выпрямить. Теперь уже все были вооружены.

Опять зовет меня Арзик к рации.

– 103-й... Через кемпинг к вам идут около 150 штурмовиков, они уже на подходе к автомагазину. Не перестреляйте друг друга. Встречайте их.

Слава Богу. Наконец-то. Значит, и кемпинг взяли. От нас до кемпинга ровно 500 метров.

– Ребята, – кричу бойцам из отряда Мераба Кове, которые держали на прицеле этот участок дороги, – встречайте наших, вот-вот они выйдут из-за поворота.

Проходит минут десь, проходит еще полчаса, но никого нет. Что-то не то, и стрельбы там не слышно. Тишина.

– 8-й, я 103, – кричу уже зло, охрипшим голосом. – В чем дело? Где ваши люди и сколько нам еще здесь ждать?

Пока нас всех здесь не ухлопают, что ли?! Но по рации опять звучит уже надоевшее всем «ждать». Было понятно, что Слава Анкваб передавал нам чьи-то распоряжения из Главного штаба. Подходит ко мне

один из командиров отряда Зурик Хаджимба и спрашивает:

– Что будем делать? Застоялись мы здесь. Грузины скоро начнут нас обрабатывать артиллерией, а они это умеют.

Это было и так понятно. Но я ответил ему в шутку, что приказали пока сушить сухари. На что он ничего не ответил и ушел к себе в отряд. Но с этой минуты я решил для себя, что мне придется играть и играть, потому как всякая правда о том, что и эта операция может быть провальной, сломает дух очень многих настроенных на победу бойцов и в конце концов приведет к неминуемым последствиям.

Вдруг со стороны развилки дорог на улицу Гречко слышу чей-то надрывный голос:

– Танки! Танки идут!

Черт возьми, какое же это жуткое и отвратительное выражение: «Танки идут», способное парализовать сознание человека! Человек тридцать пролетели мимо меня и забежали в подвал двухэтажного дома, где уже лежали несколько раненых бойцов.

Стало обидно. Нет, не за ребят. Страх – временное явление. Всё дело в привычке, тем более что танки многие из нас видели впервые. Дело было в другом. Как глупо попасть в окружение в самом начале операции! Значит, что-то сорвалось, значит, что-то не просчитали до конца. А это потери. Большие потери.

– Куда?! Куда?! Вашу мать! Думаете, укрыться от них таким способом?! Если погибать, так давайте продадим

свою жизнь подороже. Не то разом, одним снарядом накроет – и триндец всем...

Но всё зря. Не остановить никого.

Даур Зухба, Джон Агрба, Арзамет Тарба, Зюба Агрба, Тимур Чаабал и я берем из гаража сразу по два заряженных гранатомета и бежим врассыпную к шоссе. Анзор Кварацхелия (Петрович), двое парней из госансамбля Вова Кокоскир, Гуагу Айба, Руслан Ладариа, кабардинец Залим Шухов и еще два адыга тоже побежали в эту сторону.

– Прикройте хоть нас, черт бы вас всех побрал! – кричит Джон Агрба.

И тут из домов и всевозможных укрытий наши открывают такой бешеный и беспорядочный огонь, что теперь мы уже сами прижаты к земле и не можем поднять голову. Благо патронами мы были обеспечены и голыми руками нас не взять.

– Да-а-а, что значит – сила есть, ума не надо, – говорит Джон. У него был один необыкновенный дар. В самых тяжелых, безвыходных ситуациях ему на ум приходили нелепые, но и вместе с тем смешные выражения. Главное – вовремя.

– Ора, абхазцы, – кричит Джон, – тормозите! Это вам не Новый год! Чего зря патроны переводите?! Грузины объявили перерыв на обед. Пора и нам перекусить.

Говорит, заведомо зная, что ни у кого и ломтика сухаря нет. И тут же для нас чуть потише произносит: «Будем теперь знать, как в «каптерках» служить». Тогда, конечно, было не до смеха, но всё равно стало ве-

село, и мы улыбались. Дух у нас был, а вот умения... не очень.

Два танка и два БМП подъехали с разных сторон и остановились у развилки на улице Гречко, в 100 метрах от нас. Увидев такой плотный огонь, грузины поняли, что нас здесь немало. Взревев мотором и выпустив облако черного дыма, один из танков пошел прямо на нас. Пехоты за ним не было, башня и ствол направлены параллельно дороге. Похоже, что они не знают наше точное местоположение. Мы договорились стрелять по очереди. Первым стреляю я, а затем все остальные.

Дождавшись, когда танк подставил мне бок, прицеливаюсь из гранатомета в щель под башней. До танка метров сорок. Стараюсь не дышать перед выстрелом, но чувствую, как удары сердца отдаются колоколом по всему телу. Еще секунда... Выстрел... Взрыв. Снаряд попал чуть выше, в башню. Один за другим послышались еще два выстрела. От танка разлетелись брызги, будто большие бенгальские огни, еще через несколько секунд он покрылся облаком дыма. После нам скажут, что такими снарядами не танки, а кур только пугать.

В этот момент противник открыл шквальный огонь со всех близлежащих домов, находящихся на противоположной стороне. Всё стало ясно. Пехота противника не пошла за танком, а заранее расположилась в домах. Экипаж грузинского танка, оглушенный несколькими выстрелами, резко развернувшись на месте, уходит обратно... Но что это?!

Господи, спаси его душу! С двумя заряженными гранатометами Арзамет идет за танком. Зюба тоже встает и перебегает на противоположную сторону. Стреляет в один дом, потом в другой. Зюба и Арзик – друзья детства. Здесь всё было понятно без слов. Где был один, там и другой.

Разрыв между танком и Арзиком увеличивается. Присев на одно колено, чтобы бить уже наверняка, вижу, как он прицеливается в уходящий танк. Раздается выстрел, затем взрыв.

– Попал! Попал! Черт возьми! – радуется за своего друга Зюба. – Молодец!

Снаряд сшиб гусеницу. Танк по инерции прошел еще несколько метров и развернулся набок. Тут же Арзик делает выстрел со второго гранатомета. Попадает, и опять разлетаются брызги. Из танка выскакивает экипаж и скрывается в домах. Кто-то по ним дал длинную очередь, но мимо... Арзик уже бежит обратно ко мне и ложится рядом под мандариновым деревом.

– У тебя что, крыша едет? Ты был две минуты на виду... Тебе просто повезло. Ты понимаешь хоть это, а?! Это война, а не кино... чирк – и всё, понимаешь?!

А он, всё улыбаясь мне, отвечает, и эти слова я запомнил на всю жизнь:

– Не волнуйтесь за меня, командир. Эти подлюки никогда не смогут меня убить. Теперь я им за всё отомщу. Они меня запомнят.

– Да кто тебя запомнит, красавец? Кому ты нужен мертвый? Ты девушкам нужен будешь. Они тебя помнить будут, а здесь надо выжить. Без прикрытия ничего не делай! Понял?

– Ну нельзя же их подпускать так близко, – отвечает Арзик.

– А ты что, за всех воевать собрался? Силенок не хватит... Ничего, прижмут нас – как миленькие забегают.

– Никто не забегают, командир. Кто бегал, тот и будет... Я знаю.

Что-то в его лице изменилось, что-то непонятное, неуловимое. И я понял, что сейчас его уже никто сдерживать не сможет. Он вел свою игру, свою, не похожую ни на одну роль в этой смертельной схватке.

В сложившейся ситуации надо идти в контратаку и добить танк, но сил для этого было мало. Пришлось вернуться и собрать командиров. Я знал, что ребята на пределе, но надо что-то делать, чтобы взвинтить темп, а иначе всем крышка. Раненых становилось всё больше, а к убитым прибавились еще трое. С погибших стекала кровь, и все они лежали перед нами... Один из них был Отырба. Он был убит выстрелом из гранатомета. Позже мы взяли в плен стрелявшего грузина. Он понял, что у него нет никаких шансов, и поэтому вел себя дерзко.

– Если мы будем и дальше так воевать, то нас всех перестреляют, как куропаток, – говорю я, специально глядя на тех, кто бездействует и чего-то выжидает. – В бою каждый должен сначала отвечать за свои действия, а уж потом как сложится. По-другому не бывает. По-другому – это называется трусость. Здесь арифметика простая. Из-за одного погибнут пятеро, а из-за пятерых – пятьдесят. Никто еще не смог победить без борьбы.

– Чего толку, всё равно всё провалилось, скоро нас окружают, лучше вернемся, – сказал кто-то из них.

– А ты, может, знаешь, как вернуться без боя? Или, быть может, ты думаешь, что тебе грузины красную ковровую дорожку выложат? Все в наших руках. Будем вместе, никто не сможет взять нас голыми руками, оружия и боеприпасов у нас хватает, а врозь или выжидать, прячась в подвалах, – это смерть; какая разница только – минутой раньше или минутой позже.

Пока мы разбирались, грузины снова зашевелились. В эфире – ничего конкретного. В такие минуты тебя начинают обуревать разные нелепые мысли, одна хуже другой. В одно не хочется верить – что всё провалилось и что тебе в конце концов придется смириться со своим положением и выкарабкаться из него как можешь, потому как положиться уже не на кого. А если учесть, что у тебя есть убитые и много раненых, которых надо будет выносить, то тут уже не до прописных истин.

Уже три часа дня. Джон Агрба и Лева Топчян, взяв с собой пятерых ребят из армянского взвода, закрепленных за нашей ротой за день до наступления, решили занять близлежащий дом на противоположной стороне дороги в пятидесяти метрах от нас. Оказалось, что в этом доме уже находились грузины, и только чистая случайность спасла ребят от неминуемой смерти. Вместо того чтобы открыть огонь, грузины бросили гранату, которая, попав Джону в плечо, упала под ноги. Мы видим, как он молниеносно поднимает эту же гранату

и забрасывает ее обратно в окно, а затем кидает туда и свою. Раздаются глухие взрывы. Открыв огонь из автоматов, они забегают в дом, добивая оставшихся в живых. Мы смотрим и ждем, что будет дальше.

– Возвращайтесь, Джон, – шепчу я тихо про себя, словно боюсь, что меня кто-то услышит.

Тем более что на другой стороне улицы опаснее вдвойне, могут убить и свои, приняв тебя за противника. Будто услышав нас, Джон знаками просит прикрыть их. Своим огнем мы даем им возможность перебежать шоссе и благополучно вернуться. Это была удачная ходка.

– Ты представляешь, а? Гранаты пришлось кидать в них. Еще немного – и в рукопашную пойдём, – улыбаясь, произнес Джон и сделал такой жест рукой – типа запросто.

Кто бы мог подумать, а? Теперь надо быть готовым ко всему.

Меня удивляла его мальчишеская смелость. Кажется бы, в 33 года человек уже имеет суждение о том, когда риск оправдан, а когда нет. Но есть такая категория людей, которые всегда остаются в неоплатном долгу перед своей молодостью. Он как раз и относился к таким.

Часам к четырем грузины открыли огонь из двух танков и двух БМП с расстояния 150-200 метров. Мы решили укрыться и выждать. Счет раненых и убитых увеличивался. Осколком ранило в живот Гудала (Виталика Гудалиа). Это была его пятая по счету боевая

операция. Сам он уже 12 лет жил в Москве, но, когда узнал, что на родине дела плохи, перемахнул через Кавказский хребет и встал рядом с нами. И вот сейчас его несли Бос (Беслан) Таниа и Алмасхан Лакоба, но по пути в подвал Алмасхан сам был ранен в плечо вторым выстрелом. Дальше – хуже. Противник уже знал наше точное расположение.

Опять полезли танки. Один из них вырвался вперед, остальные БМП и танк остановились и стали бить по домам, в подвалах которых укрывались наши бойцы. Зюба Агрба взял на прицел своего гранатомета противоположную сторону дороги. Арзамет Тарба снял с трофейного БМП пулемет и, обмотав свою грудь крест-накрест лентой, залег под деревом в саду. Но больше всех удивил меня Даур Зухба. Он почему то разделся по пояс, хотя было холодно. Закинул за спину «муху» (гранатометный выстрел разового действия), в руках – заряженный гранатомет. И приготовился к отражению атаки, встав за угол дома.

Танк шел нагло, бешено вращая башней. Жаль, что не было у нас в той операции ПТУРов. Вот где можно было устроить кладбище танков. Ну да ладно. Кажется у Жюля Верна есть такая фраза: «Используй то, что под рукой, и не бери ничего другого». Взяв из гаража гранатомет, я вышел во двор дома, опустился на колени и заранее прицелился в проем от ворот, напротив которого должен был пройти танк.

Из-за спины выскочил Даур.

– Я здесь, – сказал он и, пробежав метров двадцать, в прыжке, в полете «ласточкой», приземлился чуть правее и впереди от меня.

Затем, сделав кувырок, оказался в небольшой канавке прямо у дороги. Этот двадцатилетний парень ничем особенным от других не отличался. Обычное телосложение. Отличался только одним – высокой степенью силы духа в сочетании с абсолютным безразличием к опасностям. Авантюризм и фантазия придавали ему завершенный образ воина. Это была его стихия.

Пошел отсчет на секунды... Танк появился быстро, подставив мне правый борт. Расстояние до него меньше сорока метров. Сразу беру на прицел переднюю крестовину ведущего колеса. Почему-то на этот раз нет никакого сердцебиения. Затаил дыхание... Секунда, вторая... выстрел, взрыв, облако дыма. Танк прошел юзом метров пять и остановился. Тут же открывается люк и появляется голова танкиста – видимо, решил посмотреть, что с гусеницей. Но кто-то из наших в этот момент выбегает на середину двора и с живота открывает стрельбу из автомата. До танка рукой подать, а он всё мимо. Танкист быстро скрывается... Развернувшись со скрежетом, танк медленно, черепахой уходит обратно...

– Ах, ты черт! Уйдет же сейчас! – кричу что есть силы, одновременно перезаряжая гранатомет.

Но не тут-то было.

Даур выходит прямо на дорогу, которая обстреливается со всех сторон, идет за танком в двух шагах,

стволом гранатомета упираясь в броню. Поворачивает голову в мою сторону. Было такое ощущение, что он остался один на один не с танком, а со всей вселенной.

– Не стреляй! Не стреляй, подорвешься!

Машу руками, а он всё идет и идет за танком. Кажется, замкнуло парня. Попробуй теперь вывести его из этого состояния.

– Ну, отпусти же ты его немного, отпусти. Не уйдет, не бойся!

Но Даур с разбегу запрыгивает на танк и становится над моторным отсеком. Опять поворачивает голову и смотрит на меня. Видимо, не знает, что делать. Нечем поджечь эту махину.

– Ах, вашу мать, – вырывается у меня само собой, и уже бегу к нему изо всех сил. Но Арзик тоже, оказывается, бежит к нему! На каком-то отрезке наши пути пересекаются, и он, столкнувшись со мной, на скорости почти сбивает меня с ног. Стреляя на ходу из пулемета, подбегает к танку и каким-то образом заставляет Даура спрыгнуть на землю. Не успел танк отъехать метров тридцать, как Даур выстрелил в него. Гусеница разлетелась...

– Вот это да-а! Во дают... Во дают! – кричит мне Зюба.

– Они что, с ума сошли?!

Да уж, тут одно из двух. Или тебя убьют, или ты сойдешь с ума. Но одно совершенно точно – это лучшие мгновения жизни...

Мы были настолько увлечены этим эпизодом, что не заметили, как пехота противника вышла на нас с дру-

гого фланга – и Зурику Хаджимба и Закану Маршания со своим отрядом пришлось принять бой. Однако и эта атака была отражена.

В это же время на своем фланге Даур и Арзамет подбежали к подбитому танку и укрылись за ним. К ним подошли Зюба и кабардинец Залим Шухов. Не дав БМПшке развернуться, Даур выстрелом из гранатомета послал снаряд в заднюю левую дверь, прямо в топливный бак. Второй выстрел произвел Зюба Агрба. БМП охватило пламенем. Экипаж выскакивал из машины и падал на землю, кувыряясь, в надежде сбить пламя. Арзик дал по ним длинную очередь из своего пулемета.

На этот раз грузины дрогнули. Такого удачного стечения обстоятельств мы не ожидали. К концу дня противник понес ощутимые потери. Однако и мы вынуждены были признать, что один из танков противника стал всё чаще и чаще бить по нашим позициям, причем очень мнотонно и точно. Мы его обнаружить никак не могли. Он стрелял из укрытия, издалека.

Вернувшись к дому, мы были расстроены тем, что некоторых наших однополчан уже не было в живых, еще больше было раненых. Погиб очень смелый и отчаянный парень из Томска по фамилии Юнчис, который, несмотря на все запреты, целый день строчил из пулемета с крыши дома, не подпуская грузинскую пехоту. Даже в минуты затишья он стрелял и стрелял, так как с крыши всё было видно как на ладони. Два раза я посылал на крышу людей, чтобы они его оттуда убрали, но он через некоторое время снова возвращался туда и продолжал стрелять.

– Слушайте, кто это такой неугомонный? – кричал я на ребят. – Остановите его, пока ему танкист голову не снес!

– Это Юнчис, – отвечали мне, – не слушается он.

– Как хоть его зовут?

– Андрей... Он из эшерского батальона.

– А откуда он?

– Из Томска.

– Вот ядрёна-матрена. Занесло же парня! Ну, прикройте его хотя бы! Не оставляйте одного. Красивая у него фамилия.

К концу дня Юнчис уже знал, что обнаружил себя, но так и не ушел со своей позиции. Танкист, который стрелял из укрытия, не оставил ему никаких шансов. Когда после очередного танкового выстрела пулемет перестал стрелять, ребята поднялись туда и увидели, что двое бойцов истекают кровью, а Юнчис лежит на спине, обсыпанный штукатурной пылью, крепко сжимая рукоятку пулемета. Этого парня из Томска похоронили на абхазской земле...

Положение усугублялось еще и тем, что не было воды и кончились медикаменты, так как раненых становилось всё больше и больше. Забегая вперед, скажу, что в общей сложности из 150 бойцов было 12 погибших и около 50 тяжелораненых, которых необходимо было нести на себе. Медикаменты были только у одного человека. У Ирины Гоцеридзе. Без всякого преувеличения скажу, что в этом бою мы увидели женщину, которая одна стояла целой сотни людей. Каким-то образом она вселяла

надежду раненым бойцам и тем, кто пал духом и прятался с ними в подвале. А в минуты крайней опасности она это показывала своим примером: выходя наверх и встав вместе с нами, прицельно выпускала по грузинам короткие очереди из своего АКМа. Это была немногословная и удивительно красивая женщина, лет тридцати, с короткой стрижкой, брюнетка, с необыкновенно мягким характером. Раненые верили каждому ее слову. И почти все они выжили, в отличие от нее самой. До сих пор не знаю, каким образом она попала к нам, единственная из гагрского батальона. Что заставило ее попасть в ряды штурмующих? Не зря говорят – пути Господни неисповедимы. Скольким она спасла жизнь!

Понимая, в каком отчаянном положении мы находимся, она, не требуя ничего, спрашивала меня:

– Что делать? Медикаментов и болеутоляющих уже нет. Воды тоже нет.

А я, думая, что в ней, не дай Бог, проснется женская сентиментальность и это впоследствии может отразиться на настроении раненых и солдат, отвечал немного небрежно и, быть может, цинично:

– Придумай сама что-нибудь... Сыграй... Тяни время... Скажи, что скоро придут на помощь вторые эшелоны и спасут всех раненых... Обмани, наконец... Главное, внуши им, что даже в случае отхода ни одного раненого мы здесь не оставим.

На что она ответила мне:

– Я понимаю, что ты вынужден так себя вести. Это, может, нужно для достижения какой-то цели, но не с

ранеными. Их незачем обманывать, они всё чувствуют. Они еще живые, многих из них можно спасти, если срочно оперировать.

Сказала она это без всякого зла, спокойно и мягко. И смотрела на меня так, что я должен был обязательно что-нибудь придумать, будто говорила: «Вытащи нас отсюда».

До сих пор помню ее взгляд – немного наискось и вниз, а на губах еле заметная улыбка. За нее и цеплялись все раненые. Если улыбалась, значит еще не всё потеряно.

Конечно же, она была права. Потому что это не мы были в соприкосновении с ранеными, а она. И она – единственная надежда для них. Каждый из пятидесяти был у нее на счету. И она знала, кому и сколько осталось жить от осколочного ранения в живот, кто и когда истечет кровью и кому когда необходима ампутация конечности. А времени, чтобы спасти раненых, оставалось всё меньше и меньше...

Наше положение с каждым часом усугублялось. Грузины обстреливали нас постоянно и в какой-то момент прижали к сопке. Я понимал, что всё пошло не так, но сказать об этом открыто не мог, тем более что приказа никто не отменял. Стоим на месте и отражаем атаки. Ни команды «вперед», ни «назад». Штурм называется! Пошли бы все вместе скопом – уже бы в центре города стояли. Зачем надо было делить отряды на эшелоны? Тем временем грузины решили окружить нас, чтобы взять в плен.

– Абхазы, сдавайтесь! – кричали они со всех сторон. – Сдавайтесь, вашу мать, всё равно всех перебьем! Кто сдастся, тому Шеварднадзе обещал помилование!

Известный метод психологического давления, рассчитанный на слабонервных. Тем не менее на некоторых это подействовало. Один из тех, кто прятался в подвале, где лежали раненые, заикаясь, дрожащим голосом произнес:

– Послушайте, у меня есть белая майка. Давайте привяжем ее к палке и сдадимся. Я думаю, они не будут стрелять в пленных.

Почти в ту же секунду он отлетел в угол, получив удар прикладом по шее. Это был Алмасхан Лакоба, который еще не остыл после полученного ранения в плечо. Слова, произнесенные каким-то трусом, взбесили его.

– Ах ты, сука! Что же ты думаешь, падла ушастая, что у тебя одного белая майка есть? Лучше пошел бы наверх и помог чем-нибудь. Жаль, такие, как ты, не погибают. Зато какие басни ты будешь рассказывать после войны своим детям, если они у тебя родятся... Скажешь еще слово – останешься без наследства...

Больше в подвале никто не изъявил желания предложить свое нижнее белье для того, чтобы сдать в плен.

Тем временем кольцо окружения сжималось. Выручало нас пока только то, что сзади была сопка: противник вынужден был идти на нас с фронта и с флангов. Уже было видно, как они перебежали огороды от дома

к дому, переговариваясь друг с другом. Вокруг стояли в основном двухэтажные полуразрушенные дома. Нам оставалось только одно – опережать их действия и стрелять как можно точнее.

Даур с Арзиком побежали к трофейному БМП, который стоял в мандариннике прямо у гаража. Они взяли на себя дорогу и левый фланг, а я вместе с Анзором Тания, Джоном Агрба, Русланом Ладария, Тимуром Чаабал и Зюбой Агрба взял на прицел правый, где было много построек и домов. Пулеметчики усилили фланги и были готовы в любую секунду открыть перекрестный огонь. Теперь так просто нас было не взять.

Те ребята, что активно сопротивлялись, уже адаптировались и знали, как действовать в подобных обстоятельствах. Особенно отличался Руслан Ладария, который не стоял на месте, постоянно менял свою позицию, действовал перебежками и прикрывал бойцов меткой стрельбой то на одном фланге, то на другом. Видно было, что он не робкого десятка. Также ни разу за всё время не спустился в подвал и Тимур Чаабал, который держался до конца на занимаемом рубеже.

Даур Зухба залез в БМП и наблюдал за противником в триплексы, а я смотрел в бинокль в небольшое отверстие, которое было на воротах гаража рядом с верхней петлей. Бинокль в бою – незаменимая вещь. Главное, видишь, кто свой, а кто чужой.

Прямо напротив нас, если смотреть в сторону Гумисты и немного левее, человек пятнадцать забежали в стоящий рядом с домом сарай. Расстояние

– метров двести. «Неужели Даур не видит их?» – мелькнула мысль, но в это же мгновение из БМП послышались шесть выстрелов один за другим. Сарай сразу загорелся, и оттуда стали кричать: «Мищвеле», прося о помощи. Для уверенности Даур выстрелил туда еще несколько раз и выпустил еще по одному снаряду в каждый из близлежащих домов. Со стороны складывалось впечатление, что пушка его БМП стреляет автоматически. Тогда многие решили, что он тем самым обратил на себя внимание и что теперь нам точно несдобровать. Но другого выхода не было. На своем фланге Даур Зухба уничтожал всё, что может ходить и ползать. И если бы не он, кто знает, как сложилась бы наша судьба в тот день. Как-то у него всё это получалось. Будто это был профессионал. Полдня он один не подпускал грузин к нашим позициям.

В это же время я увидел в бинокль, как напротив, если смотреть со двора прямо в сторону реки, человек десять стали подниматься по лестнице на второй этаж дома, который находился от нас меньше чем в 150 метрах. «Странно, – подумал я. – Второй этаж?! Видать, еще не совсем опытные». Несколько раз стрельнули в нашу сторону длинными очередями. Как сейчас помню их лица. Один из них был такой холеный, здоровый, с короткой черной бородкой и перебинтованной правой кистью. У всех остальных на рукавах были белые повязки. Здесь двух мнений быть не могло. Грузины! В гараже рядом со мной – несколько заряженных гранатометов и два комплекта огнемёта. Они очень эффек-

тивны против закрытых позиций противника. В комплексе два огнеметных выстрела, достаточно тяжелые. Но благодаря Сусе Гумба из Дурипша, который нес их на себе, они у нас были.

Смотрю, никого из гранатометчиков поблизости нет, а надо было действовать быстро. Решил сам стрелять, пока грузины не покинули дом. Вижу их отчетливо. Зову ребят, чтобы прикрыли меня и показываю руками, что вижу цель. Подходят Джон Агрба, Руслан Ладариа, Анзор Таниа, Алмасхан Лакоба, Арзик Тарба. Они по цепочке еще кому-то передают. Показываю им знаками, какую сторону прикрывать.

Надо было выйти во двор на открытое место без помех, чтобы прицельно выстрелить. Даю ребятам маяк. Открывается шквальный огонь в сторону противника, чтобы ни один грузин и носа не высунул. Встаю на одно колено. Прицельная шкала гранатомета начинается с 200 метров, значит надо брать под мишень, в область подоконника. Прилип к прицелу. Нажимаю курок. Выстрел. Вижу, как реактивный снаряд полетел в цель... Взрыв. Точно в окно. Тут же беру огнемет, прицеливаюсь в диоптрический прицел. Выстрел, глухой, раскатистый взрыв, как гром. Есть! От избыточного давления вылетели все окна и двери, еще через мгновение рухнула крыша. Ребята стали кричать «Ура-а!», продолжая стрелять. Такого эффекта от огнеметного выстрела мы не ожидали. Грузины бежали на помощь к своим, но пулеметчики отсекали их.

Целый час было тихо.

– Эх, сейчас глоток воды выпить чего стоит, или хотя бы полсигаретки выкурить, – говорит кто-то с таким сожалением, что у меня самого кольнуло под сплетением. Ни воды, ни курева, а как было бы кстати! Знали бы, хоть водки взяли бы с собой. От такой трезвой жизни умереть хочется. До Гумисты рукой подать, а пойдешь, попробуй, тем более засветло. Кое-кто делает самокрутку из сухих листьев ольхи и дымит. Ничего, за неимением табака и ольха сойдет, были бы целы. В пылу боя забыл я тогда, что у меня в нарукавном кармане бушлата лежит неоткрытая пачка сигарет «Мальборо», которую я положил туда уже давно, а когда вспомнил, уже была глубокая ночь. Как скажешь теперь? Вначале мне даже было неловко предложить настоящие сигареты, в то время как они курили листья деревьев. И, чтобы не обидеть никого, я сделал вид, что нашел в темноте пачку под ногами совершенно случайно. Я предложил разломать сигареты пополам и дать их в первую очередь тем раненым, кто мог курить. На какое-то время это разрядило обстановку.

Неужели грузины отошли? Да нет, навряд ли... Опять послышался знакомый гул моторов. Выйдя на небольшую возвышенность, я увидел в бинокль два танка и два БМП, а те, которым мы подбили гусеницы, они куда-то утащили. На этот раз танки шли очень хитро. Впередиидущий танк был на зацепе тросом со вторым. Точно так же шли БМП. Значит, подбиваешь впередиидущий, а второй его выносит обратно. Умно, ничего не скажешь.

– Приготовиться, танки пошли! – кричу я.

На этот раз только Даур Зухба и Арзик Тарба забегают в гараж, заряжают по два гранатомета и бегут кто куда, через небольшой мандариновый сад к ограде. Они знают свое дело! Им ничего объяснять не надо!

Первые сумерки. Продержаться бы еще часок, а там ночь. Хотя танки и БМП оборудованы ночными приборами, но они всё равно боятся темноты. Завязался ожесточенный бой. Танки и БМП стреляли в нас, не умолкая, с расстояния 100-200 метров. Грохот стоял такой, что земля под ногами содрогалась. На этот раз они осторожно, метр за метром, приближались к нашим позициям. Они хотели стереть с лица земли нас вместе с домом, но им очень мешал другой, стоящий рядом и уже полуразрушенный.

Даур и Арзик ушли вперед от нас метров на 50. К ним бежали на помощь Зюба Агрба и Залим Шухов вместе с двумя адыгами и русским парнишкой, которых я не знал. Несколько человек из роты Закана Маршания, а также Татка Дзидзариа, Кува Еник, Анзор Тания, Джон Агрба и еще один русский парень из п. Бзыбь по фамилии Котелевец перекрыли подступы со стороны сопки. Град пуль выпустили в нас в течение получаса. Снаряды у противника не кончались, но и мы отвечали непрерывно, чтобы не оставить им и тени сомнения. После такого противостояния в любом случае придется считать потери, но об этом в тот момент не думал никто. Надо было любым путем выстоять, отбить атаку, а иначе – конец.

Вдруг я услышал знакомые голоса. Это были Арзик и Даур.

– Снаряды, снаряды давайте! – кричали они с каким-то сожалением в голосе.

Опять никого рядом. Попрытались, что ли? Как иногда бывает обидно, когда перед тобой «готовая мишень» и не хватает всего лишь одного выстрела, от которого может зависеть исход боя.

– Черт возьми, – обрадовался я, – главное, что живы. А снаряды сейчас я вам сам принесу. Только не высовывайтесь пока, братцы, – говорю я сам себе.

Проскочив двор за долю секунды, я забежал в гараж, в углу которого стояли заряженные гранатометы, но не успел подойти к ним, как внутри гаража раздался взрыв. Танковый снаряд пробил блочную стенку и взорвался, не зацепив осколками. Взрывной волной меня швырнуло об стенку, но спасла каска. Очнувшись через несколько секунд, я с трудом встал. Всё кружится, и темно от пыли. На ощупь нашел гранатомет и хотел было выйти, как в гараж забегает Арзик Тарба.

– Где снаряды?! Давайте, давайте быстрее, они уже совсем близко! 20 метров!

В ту же секунду раздался второй взрыв и мы завалились друг на друга. Оглушило сильно. На этот раз мне показалось, что я уже на пути к смерти... Пришел в себя, видимо, через несколько минут – оттого, что на мое лицо стекали холодные, соленые капли. Голова гудела так, словно я слышал одновременно звон всех колоколов мира и кто-то хотел раздвинуть домкратом

мою черепную коробку. Стало мутить. Еще через пару минут я услышал еле уловимые слова:

– Не умирай, слышишь, прошу тебя, не умирай, – рыдал, как ребенок, надо мной Арзик. – Сейчас я сожгу этот блядский танк, ты только держись.

Он приподнял меня и, придерживая коленом, очищал мое лицо от штукатурной пыли. Мы оба выглядели так, будто нас только что вываляли в муке. Но и на этот раз нам повезло. Обошлись без единой царапины, хотя внутри гараж выглядел как сито.

Скоро раздался третий выстрел, но уже не в нас, а в трофейный БМП, который как раз и прикрывал одну из стен гаража. Оказывается, танкист и не думал стрелять в гараж. Только на третий раз он попал в цель с расстояния 20 метров, отъехав немного назад и опустив ствол. БМП мгновенно охватило пламенем, еще через минуту стали взрываться снаряды от боекомплекта. Мы с Арзиком смотрели друг на друга и радовались тому, что чудом остались живы.

Собрав последние остатки сил, я всё-таки встал. Арзик, поддерживая меня плечом, повел к ребятам, которые укрывались в первом полуразрушенном доме. Один из наших пулеметчиков был только что убит, и друзья убитого приводили его тело в порядок.

Стало темно. У меня были две осветительные ракеты, и я выпустил их одну за другой в сторону грузин. Они осветили небо и долго не гасли.

– Чкара, чкара! – слышалось в темноте.

Забегали, заметались... Жить-то хочется. Для пущей уверенности дали в их сторону по рожку длинными очередями. К нашему удивлению, грузины не пошли дальше, хотя на этот раз имели большое превосходство. То ли выдохлись, то ли испугались темноты. Мало того, они оттянули назад свои танки.

Скоро из темноты послышались голоса.

– Абхазы, прекратите огонь! Давайте обменяемся убитыми. Не стреляйте, давайте поговорим.

Да-а, грузины и в самом деле не владели обстановкой...

Все наши раненые и убитые были при нас, и терять нам уже было нечего. А им для того, чтобы взять своих, надо было прийти к нам и попросить разрешения. Поэтому вместо ответа они получили длинную очередь из пулемета в сопровождении девятиэтажного мата...

Девять часов вечера... Собрав почти всех, я обратился к тем, кто отсиживался, среди которых были и достаточно взрослые люди.

– Не стыдно вам с ранеными в одном подвале находиться? За вас что, пацаны воевать будут? Да у них же еще молоко на губах не обсохло! А вы будете свою шкуру спасать... Перед боем вы все храбрецы, слова вам не скажешь, как комдивы себя ведете, а здесь что – кишка тонка, по подвалам прячетесь?! Не обязаны они за вас воевать... Если бы не они, от вас мокрого места не осталось бы!

Я не мог себя сдержать, раз за разом ругая их на чем свет стоит. Кто-то хотел было возразить, но их быстро успокоили, и они закрыли рты.

В сложившейся ситуации надо было думать над тем, что делать дальше. Рация молчала, а точнее сказать, там не владели обстановкой. Ясно, что помощи ждать было неоткуда.

Вижу, как Закан Маршани нервничает и также постоянно выходит в эфир, но там словно воды в рот набрали. Сначала с нами на связи был Слава Анкваб, но после его сменил кто-то другой, а затем совсем замолчал. Было понятно, что нам боялись сказать правду. А правда заключалась в том, что за нами не пошли, что мы отрезаны, а главное – что сама операция провалилась. Пришлось идти ва-банк и уже блефовать в открытую. Взяв рацию, я сказал:

– 8-й, я 103-й. Я «Эвкалипт». Нас здесь целый батальон. У нас всё нормально, есть только легкораненые. Готовы к бою. Авиацию не боимся, с нами «стингеры». Прикройте нас только артиллерией. Противник за целый день понес ощутимые потери в живой силе и технике. Какие будут распоряжения? Скажите всё как есть! Но если будете молчать, суки, мы повернем обратно, и тогда молитесь Богу, чтобы мы не вернулись... Лично я засуну ваши головы вам в задницы и заставлю летать вертолетом!

Я знал, что нас слышат, причем как наши, так и грузины. И знал, что с нами обязательно свяжутся.

Надо было что-то делать, но что? Многими овладело чувство подавленности. Одно дело погибнуть в атаке, другое дело – в окружении. Разница в моральном состоянии. Да и штурм на то дается, чтобы всё сделать быстро и не было времени думать о жите-бытье.

– Нас бросили на произвол судьбы... За что мы воюем, если за нами не пошли?! Почему мы должны за кого то погибать здесь?! – говорили то тут, то там.

Конечно, можно было понять этих людей. Для многих из них это была пятая по счету операция. Четыре раза им везло. Четыре раза судьба была к ним благосклонна. Все же есть предел. Повезет ли и на этот раз?

Усталые и злые, мы не знали что делать. Приказа об отходе не было. Потери первого дня: 37 человек ранены, семеро убиты.

Уже глубокой ночью на совещании командиров почти все решили идти обратно. Против возвращения без приказа были Мераб Кове, Закан Маршани и я. Что оставалось делать? Нельзя было в такой ситуации решать судьбу людей, подвергать опасности их жизнь. И конечно, я понимал, что эта операция не имеет своего продолжения, хотя в душе всё-таки теплилась маленькая надежда. Не хотелось верить в плохое. Ведь до столыцы было рукой подать. И всего-то надо было тысячу настоящих воинов, чтобы уже окончательно зайти в город и решить исход войны в свою пользу. Победа была близка. На этот раз у нас было необходимое оружие и снаровка. Не было только одного и самого главного на войне – дисциплины и ответственности.

Единственным условием, которое я поставил перед всеми, было взять с собой всех раненых вне зависимости от принадлежности к тому или иному отряду. Потому что среди нас в этой операции было много и тех, кто попал сюда впервые. И адыги, и русские, и армяне.

Вначале мало кто обратил внимание на это условие, но, после того как наши разведчики доложили, что все подступы к реке перекрыты, появились разногласия между теми, кто должен был нести раненых, и теми, кто должен был их прикрывать.

О том, что мы решили возвращаться этой ночью, на нашей стороне никто не знал, но и мы тоже не торопились с этим сообщением, потому как эфир слушали и грузины тоже. Но сказать было необходимо, так как нас могли принять за грузин – и тогда всему конец. Решили сказать об этом в последнюю очередь. Проблема усугублялась еще и тем, что надо было нести тяжелораненых в условиях боя. А для того, чтобы сделать носилки, необходим был подручный материал.

Пока решали, что и как делать, стало рассветать, и мы вынуждены были остаться еще на один день и основательно подготовиться к отходу с ранеными. А там пусть будет, что будет. Вот и вспомнилось: сам погибай, а раненого выручай, ведь на его месте можешь оказаться и ты... Но той ночью группа из 15 человек всё-таки решила самовольно уйти под покровом ночи через горы... Увы, их участь в итоге оказалась очень плачевной...

Как ни странно, под утро нам ответили по рации и сказали, что всё идет по плану и что скоро пойдут вторые эшелоны. Нас это, конечно, обрадовало, но мы уже на них особенно не надеялись, так как видели, что грузины постоянно вели артобстрел, отсекая наших от реки.

Теперь надо было готовиться к еще одному тяжелому дню. Пользуясь временным затишьем, мы срывали замерзшие и высохшие плоды апельсинов и мандаринов, утоляя жажду и голод. Когда тебя мучает жажда, то ты ни на что не способен.

С Джоном Агрба мы решили обговорить наши действия на предстоящий день и пошли в небольшой сад, который примыкал прямо к дому. До рассвета оставалось минут сорок. Под ногами в жесткой траве, в небольшом углублении, что-то сверкнуло. Я нагнулся посмотреть и вижу, что это вода. Настолько хотелось пить, что я забыл о всякой брезгливости и опустил туда свою пустую флягу, которая заполнилась на четверть. Мы с Джоном выпили по глотку, и нам стало немного легче. Не зря говорят, что человек состоит из воды.

– Что будем делать? – спросил Джон. – У меня колени сильно болят, ходить не могу, будто гвозди туда забивали. От футбола мениск мне на память остался. Сяду где-нибудь и буду отстреливаться до последнего.

– До последнего не надо... Ты мне живой нужен, – отвечаю я. – Надо как-то продержаться еще денек, навряд ли завтра что-то изменится, а потом под покровом ночи двинемся с ранеными обратно. Давай ляжем на эту доску и отдохнем хоть полчаса. А там посмотрим.

У дерева стояла широкая доска. Мы ложимся на нее спиной к спине, обняв автоматы руками. И только меня сон стал одолевать, как Джон спрашивает в свойственной ему шутиливой манере:

– Слушай, а как ты думаешь, педерасты – это кто? Это те которые – или те которых?

– Мать честная, ну и вопросы у тебя, нашел время когда спрашивать... Да и не силен, – говорю, – в этих вопросах. По моему мнению, это те, кто всё делает наоборот.

– А патриоты кто? – опять спрашивает он.

– Ну, ты из крайности в крайность... Развеселил, ничего не скажешь! И всё на букву П... Патриоты – это те, кто сам, сразу, без подсказки идет защищать то, что для него свято, от надругательства, – отвечаю я.

– Вот и я так думаю, – отвечает Джон, смеясь. – Получается, что тот, кто не пошел сразу защищать свое святое, тот и есть «п»?.. Что-то у меня сегодня действительно все вопросы на букву П.

– Не бери в голову, Джон, поспи лучше немного. Тяжелый день нам предстоит... Быть может, самый тяжелый....

– Да уж... Заснешь тут, когда смерть поджидает тебя на каждом шагу. Знаешь, если со мной что-то случится, ты маме ничего не говори и не рассказывай. У нас с ней особые отношения. Она от тоски умрет.

– Слушай, тебе это ничего не напоминает? Ты как в кино. Не люблю я это обсуждать. Все будем живы. Давай поспим хоть немного. Это вернет нам силы...

18 марта. Рассвело. В этот день ожидалась хорошая погода. Выглянуло солнце. Часов до десяти было тихо. В какой-то момент даже показалось, что грузины куда-то ушли. Я проверил батареи на моей маленькой рации,

которую чаще используют в десантных войсках: зарядки оставались еще на полдня. Понимая, что это единственная связь с нашими, я выключил ее и перешел на другую, которая была намного больше и тяжелее, 159-ю. В бою трудно переоценить значение связи. Без нее ты слепой и глухой. Многие группы, оказавшись без средств связи, не знали, что делать.

В то утро мы находились во втором гараже, который стоял рядом с зеленым домом. Нас человек пятнадцать здесь. Отсюда хорошо просматривалась дорога. От гаража шел небольшой пригорок, на котором росли апельсиновые деревья, а еще выше начиналась сопка, соединяющаяся с горой. Отсюда же открывался замечательный вид на Верхнюю Эшеру, гору Узабаа, откуда сейчас смотрели на нас наши, те, кто не успел перейти ночью линию фронта, а теперь были отрезаны артиллерией противника. Смотришь и думаешь: как близко. В мирное время этот участок можно за одну минуту проехать, а сейчас надо полжизни потерять, чтобы туда добраться. Не помню точно, о чем мы говорили, как кто-то вдруг обратил внимание на человека, идущего прямо по центру шоссе мимо нас.

– Ора, кто это такой? – говорит Арзик, глядя на него.

На человеке был черный костюм-тройка, черная сорочка, черный цилиндр, а автомат перекинут через плечо как у охотников – прикладом наверх. Идет себе, глядя на горы, будто и нет совсем войны. Такой наглости никто из нас не ожидал. Его взяли на прицел, после

окликнули, и он сам зашел к нам с поднятыми руками. Обыскали. Ничего, кроме автомата, у него не было. Вначале он прикидывался цыганом, после заключенным, которого заставили воевать, а шел он в кемпинг якобы для того, чтобы восстановить с ними связь. Говорил он это, всё время, озираясь на Арзика. Арзик стоял в проеме ворот от гаража и с улыбкой смотрел на говорящего.

– А еще точнее, – спросил Арзамет.

– Я тебя сразу узнал, сразу, – тут же ответил пленный. – Моя фамилия Шенгелия, а прикинулся цыганом, потому что испугался, что убьете меня. Я не воевал и не стрелял, можете посмотреть автомат.

– Не бойся, тебя никто здесь не тронет. Будешь помогать раненым, а надумаешь бежать – сам тебя убью, – уверенно ответил Арзамет.

Нашлись и те, кто хотел стрелкнуть в него, но мы их быстро отшили. Нехитрое дело убить пленного. Обычно это делают трусливые люди. Забегая вперед, скажу, что этот пленный Шенгелия, потом много раз, рискуя жизнью, помог очень многим раненым, когда выходили из Гумисты. Конечно, у него не было выхода, но этот факт помог ему выжить. После его обменяли на военнопленных.

Не было особой разницы, почему и для чего он шел в кемпинг...

Было понятно одно: грузины что-то готовят. И долго не заставили себя ждать. На этот раз они не стали атаковать нас бронетехникой в лоб, а просто оттянули ее на

безопасное место и уютжили нас целый день, одновременно обстреливая минометной артиллерией. Было у них еще одно очень важное преимущество в этих обстоятельствах: целый день на нас упражнялись их снайперы, и причем с близкого расстояния, так как вокруг нас было очень много домов. Во время небольших артиллерийских затиший грузинская пехота сближалась с нами и обстреливала нас из пулеметов и автоматов.

Несмотря на такое преимущество противника, мы держались, заняв круговую оборону. И стоило грузинам приблизиться, как мы открывали по ним шквальный огонь из всех стволов. Благо боеприпасов у нас хватало. В такие минуты боя я вызывал по радиации нашу артиллерию, чтобы она отсекала противника от наших позиций, когда тот подходил вплотную. Настал и момент, когда мы вызвали огонь на себя, предварительно укрывшись в доме, но после снова выходили и продолжали отражать атаки. Счет раненых увеличивался с каждым разом. Тяжелая 120-мм минометная артиллерия несколько раз пробивала крышу дома и потолок и разрывалась уже на первом этаже. Но, несмотря на это, мы продолжали стрелять и стрелять, стараясь выиграть время до вечера.

Силы уже были на исходе, но в бою побеждает только тот, кто проявил стойкость, выдержку и решительность. Не зря об этом написано во всех уставах мира. К вечеру, уже на закате солнца, в районе 16-17 часов, счет тяжелораненых приближался к 50, а погибших уже было десять человек.

Снайпер настолько приловчился, что мы уже видим, как он сажает пули в нескольких сантиметрах. Группа бойцов расположилась позади зеленого дома, спасаясь от прицельного огня. Я тоже нахожусь там, сидя на кирпичках, прямо на углу, и выхожу по рации в эфир, корректируя огонь артиллерии. Сзади меня – невысокая блочная кладка, которую наскоро сложили ребята, она затрудняет обзор снайперу. Но он каким-то образом умудряется попасть нашему бойцу в область живота. Я не знаю, кто ранен, но вижу, что он лежит и не шевелится. К нему бегут на помощь. Пах-х-х... Взрываются разрывные пули. Пах-х-х...

– Не подходите, – кричит Даур Зухба, – не подходите. Это замануха... Стреляйте в те дома, со стороны солнца.

Он подбегает к раненому и, взяв за шиворот, быстро тащит его волоком за угол дома...

А слева от меня, в пяти метрах, прямо на пригорке, защищенный с одной стороны стенкой гаража, уже целый час, лежа на земле, строчит по грузинам Арзамет Тарба. Вижу только его пулемет и часть головы. Заготовленной ленты у него еще на полдня. Стреляет и стреляет. И конечно же, снайпер обнаружил его. Уже несколько пуль послал совсем рядом. Арзику кричат, чтобы сменил позицию, а он хоть бы глазом повел. Как будто не слышит. Строчит и строчит. Человека в азарте трудно остановить. Адреналин так и прет. Когда я это увидел, отправил к нему Даура Зухба. Тот его убрал от туда на какое-то время. Но Арзик не мог долго сидеть без дела. Опять стал стрелять с этой же позиции. Гильзы

так и сыпятся сотнями. Танковый пулемет очень скорострельный. Тогда я сунул пальцы в рот и стал свистеть ему, чтобы он услышал меня.

– Уходи! Уходи оттуда! – кричу ему, машу рукой и показываю пальцем на висок. – Ты что, с ума сошел – не видишь, он поймал тебя?!

Вижу, как Даур старается оттащить его за ноги. А Арзик, видимо, взял на прицел грузин и никак не хочет упустить этот момент. Но всё-таки Арзамет уступил и перестал стрелять, и это нас успокоило. Он встал в полный рост у края гаража и куда-то пристально всматривался. Я показываю ему кулаком, а он, поддакивая, кивает мне.

Дальше всё произошло очень быстро. Он снова лег на своем пригорке и дал длинную очередь в сторону грузин. Но уже через несколько секунд первая пуля снайпера со звуком «пах-х-х» чиркнула ему по мизинцу и ушла в землю. Арзамет с удивлением посмотрел на это, встряхнул рукой, будто обжегся, но не более того, тут же дал по грузинам несколько очередей подряд и... остановился. Пуля снайпера раздробила ему шейный позвонок, и он умер мгновенно, так ничего и не почувствовав. Он лежал и не шевелился, и это было настолько непривычно, что все, кто это видел, поняли, что произошло что-то непоправимое.

Даур оттащил его к себе и, обняв, стал ласкать ему волосы.

– Арзик! Арзик! – говорил он. – Арзика убили! А-а-а-а-а....

Даур сидел на земле, придерживая голову Арзика, и смотрел на меня так, словно спрашивал: «Почему так случилось?» Он не рыдал, но по лицу его катились слезы. Дважды за войну со мною было так, будто душа моя куда-то отлетела и долго не возвращалась, блуждая где-то сама по себе. И это было в первый раз. Всё стало безразлично. Будто сам себя приговорил к смерти. Я ненавидел себя и весь мир. Ни на кого не мог смотреть и понял в одночасье, насколько высока степень лжи и зла вокруг и что я сам ничем не лучше других...

Весть о смерти Арзика быстро дошла до Зюбы Агрба. Они дружили с детства. Зюба прибежал быстро и, швырнув в сторону свой гранатомет, стал бить себя по голове и оплакивать своего друга. Он стоял на коленях у изголовья и рыдал. Никто не мог остановить и успокоить его...

Тем временем грузины снова начали обстреливать наши позиции, и на этот раз с особым пристрастием, так как уже сгущались сумерки. Они хотели успеть разбомбить нас до темноты. И тогда Зюба стал ходить по двору и кричать в сторону грузин:

– Вот он я, подлюки, я не боюсь вас! Попробуйте, упадите в меня! Вот я здесь, суки подколенные! Всех вас задушу своими руками... Всех!

И, обратившись к небу, сказал:

– Ну, где Ты?.. Где Ты?.. Ты что, не видишь?! Будь Ты проклят!

Так ходил он по двору, пока осколок не попал ему прямо в голову. Зураб был очень сильный парень. Он

падал и вставал, снова падал и вставал, кувыряясь и не понимая, что с ним произошло. Через минуту он умер.

С наступлением темноты грузины прекратили артиллерийский огонь, но изредка продолжали обстреливать нас из гранатометов и стрелкового оружия. Мы тоже стреляли в них, давая понять, что живы и готовы сражаться до последнего. Одними из последних, раненных у этого дома, был Тофа Маан, получивший пулю выше бедра, и Леонид Боджгуа, который имел множественные ранения в область груди и живота. Уже затемно Леня скатился с пригорка, где долгое время отстреливался, и, опустившись на землю, сказал мне:

– Я, кажется, всё. Приехал. Идти дальше не смогу.

Я нагнулся посмотреть и увидел окровавленное тело. Только физическая закалка помогла ему выжить. Любой другой в его положении не имел бы никаких шансов...

Целый день ведя по рации переговоры с «большой землей», я окончательно убедился, что операция провалилась, и теперь наша судьба была только в наших руках. Надеяться было не на кого, только на себя. И так было по всему гумистинскому фронту. Были попытки отдельных небольших групп перейти среди бела дня Гумисту к нам на помощь, но они так и не увенчались успехом. В одном случае погиб комбат Фридон Авидзба, так как он посчитал для себя позором остаться за Гумистой без своего батальона, а в другом – кабардинец Ибрагим Яганов дважды в этот день переходил

реку под обстрелом противника, но за ним так никто и не пошел.

На совещании командиров отрядов, на котором присутствовали Закан Маршания, Зурик Хаджимба, Гена Маан, Мераб Кове, Джон Агрба, Кува Еник, мы решили двинуться обратно в четыре часа утра 19 марта, о чем я передал нашим зашифрованный текст по радиации, хотя было понятно и так, что с ранеными мы пойдем напрямик. Нас обещали встретить на берегу и оказать всяческую помощь. К сожалению, мы тогда не знали, что в наших подразделениях за Гумистой после провала операции сложилось мнение, что грузины готовят контратаку, и потому они обстреливали весь берег по всему, что движется. С одной стороны, под покровом ночи легче уйти от противника, а с другой – наши могли принять нас за грузин, и тогда уже «ни ора, ни сыпсуп» – ни имя, ни фамилию у тебя не спросят. Что, кстати, с нами и произошло.

В сложившейся ситуации, после трех изнурительных суток, без воды и медикаментов, было решено предать земле наших погибших друзей и все оставшиеся ресурсы направить на то, чтобы любой ценой вынести отсюда 50 человек раненых и прорываться к своим кратчайшим путем. Положение усугублялось еще и тем, что почти всех раненых необходимо было нести на себе: ни один из них не мог передвигаться самостоятельно. Место перехода планировалось в районе небольшой лесопилки и хозяйственных построек. Расстояние до него метров 300.

Приблизительно из 150 бойцов в строю осталось 80-90. Я предложил план отхода, который был поддержан. Впереди с небольшим интервалом идет группа прикрытия. Эту задачу взял на себя Геннадий Маан. Посередине – основная группа с ранеными. А замыкает еще одна небольшая группа прикрытия на случай преследования и если завяжется бой в момент отхода.

Не знаю, насколько это было эффективно, но в эфире мы всё же вели радиоигру и говорили о том, что у нас всё в порядке и что мы готовы воевать дальше. Своих погибших мы решили предать земле вдоль стены гаража недалеко от дома. Землю копать было нечем, и пришлось это делать штык-ножами и вообще чем придется. Затем мы с тяжелым сердцем попрощались с нашими братьями по оружию, уложили их в неглубокую яму, укрыли одеждой и засыпали землей. Поверх земли положили блоки, чтобы животные не раскопали могилу. Перед тем как похоронить Арзамета Тарба, я вспомнил про один случай, о котором мне рассказали. Во время одного разговора с теми, кто отсиживался, Арзамет сказал:

– Кто скажет о моем командире плохо, тот будет иметь дело со мной, а я церемониться не буду.

Вот и получалось, что за меня он встал бы горой, а я не могу отнести его тело домой. И остальных мы тоже не можем нести с собой, потому что должны думать о живых, хотя, быть может, среди этих раненых есть и те, которых никогда не поставишь в один ряд с такими, как Арзамет. Я подобрал гильзу и вложил в нее клочок бумаги, на котором написал: «Здесь покоится настоящий

воин Арзамет Тарба». Эту гильзу с запиской я положил ему в карман. Даур Зухба, Джон Агрба и Анзор Кварацхелиа положили Арзамета Тарба и Зураба Агрба рядом...

Из разговора с одним человеком, которого я не знал. После того как похоронили наших ребят, уже далеко за полночь у края дома я увидел, как кто-то, привстав на колени, обертывает и завязывает веревками погибшего. Я приблизился к нему и тоже присел. Я не знал этого человека, на вид ему было лет 35. Когда я спросил, кто он, он назвал свою фамилию, но с течением времени я забыл ее...

– Что ты делаешь? Почему не похоронили со всеми? – спросил я.

– Это мой родной племянник, – ответил он. – Я сам его понесу.

– Хорошо, понятно. А если и тебя ранят, кто тогда вас понесет?

– Меня не поймут, если вернусь без него. Пусть лучше убьют.

– Видишь, как сейчас получается. Ты готов погибнуть ради своего оправдания, а в бою тебя не видно было. А племянник твой – настоящий воин, за себя и за тебя воювал, потому и лежит сейчас перед тобой.

– Знаешь, – сказал он, – ты всех по себе не мерь. Ты не можешь требовать со всех, как с себя. Таких, как ты, единицы. По тебе видно, что тебе твоя жизнь нипочем. Здесь гражданские люди воюют.

– Ты хотел сказать, что если мне моя жизнь нипочем, то значит и ваши жизни тоже? И что значит «граждан-

ские»? Среди абхазов военных на пальцах одной руки можно сосчитать.

– Люди жить хотят и цепляются за каждую соломинку. А ты – фаталист. Пан или пропал, – отвечает он.

– Ну да, скажи еще – пофигист. Не за соломинку надо хвататься, а сражаться, сопротивляться. Тогда и жизнь будет. Ладно, думай, что хочешь. Останемся живы, встретимся, и я расскажу тебе о себе, как есть на самом деле. А пока – иди с Богом. У тебя своя правда. У тебя родной племянник. Скажи только, сколько ему было?

– Девятнадцать.

– Царство небесное! Постарайся вынести его.

Он отвел взгляд на племянника, ничего не сказав мне в ответ.

Так его больше и не встретил...

Последние приготовления перед отходом. Стараясь всё делать максимально тихо, но грузины периодически поддразнивают нас, словно проверяют, на месте ли мы, постреливая в нашу сторону. Мы тоже вынуждены отвечать им, подтверждая наше присутствие. После одной из таких проверок мы все, одним броском, спешно, соблюдая дистанцию, пошли по дороге в сторону реки и свернули влево у зеркала. Теперь наш отряд был в зоне недосягаемости для тех, кто нам противостоял по фронту. Последними вместе со мной уходили Ремзик Чепиа, Суса Гумба, Анзор Кварацхелиа (Петрович) и Алмасхан Лакоба. В домах, где мы отражали атаки грузин, никого из живых не осталось. Унесли всех.

Мы догнали колонну, которая вытянулась гуськом и шла по асфальтированной дороге к намеченной цели в полной тишине. Погода выдалась хорошая. Уже слышим шум Гумисты, а на небе мерцают звезды. Глядя в небо, я подумал, что Он, Создатель всего, видит нас сейчас и обязательно должен помочь. И тогда я больше у него ничего просить не буду.

Не успел я дойти до середины колонны, как началось... Стреляли со всех сторон, и невозможно было определить в темноте, откуда и куда, где наши и где противник. Большая часть отряда ринулась в проем ворот, который вел во двор, где делали могильные плиты, и, прячась за ними, продвигалась к реке. Другая часть отряда ждала своего момента, чтобы тоже двинуться туда, но двор был переполнен людьми, и все куда-то стреляли, как в одну сторону, так и в другую. Близость и запах реки сводил всех с ума. Еще один бросок – и мы окажемся за Гумистой! Почти трое суток никто из нас не пил. Вижу, как со стороны грузин блестит ферма от высокой кровли и оттуда мерцают огоньки от автоматных выстрелов. Рядом стоят Суса Гумба и Петрович Кварацхелиа.

– Давайте туда, – говорю им, – из огнемета.

Суса стреляет туда, один за другим, два раза – и там раздаются взрывы. Оттуда перестают стрелять, но прямо у реки идет сумасшедшая стрельба, раздаются голоса, и повсюду матерщина.

И вдруг в этот момент кто-то кричит мне:

– Командир, командир! Раненых бросили! Прямо на дороге лежат... Кажется, из добровольцев.

– Да не бросили их! Не видите, что ли, в какую заваруху попали! Сейчас заберем их с собой. Где они лежат? – спрашиваю я молодого русского паренька.

– Метров 40-50 отсюда.

Вот черт, не донесли, что ли?! Придется возвращаться. Бегу из последних сил назад в кромешную темноту, и хорошо, что встретил Алмасхана Лакоба, Ремзика Чепиа, а также двух адыгов и одного армянина. Идем к раненым. Они лежали вдоль дороги и старались ползти. Всего шесть человек. Это хорошо, что они могли еще шевелиться.

– Не бойтесь, – говорю, – сейчас что-нибудь придумаем.

– Не бросайте нас, и вам воздастся, – сказал тихо кто-то из них.

– А с чего вы взяли, что вас бросили? Вас оставили на время, чтобы прикрыть. Не видите, что ли – в засаду попали!

Шанса пронести их через пекло, где не поймешь, кто в кого стреляет, не было, да и сил ни у кого уже нет. Надо было хоть как-то мобилизовать их силы. Так, чтобы они поверили, но и сами себе помогли. Мне было их жаль, но другого выхода не было. Обессиленные, истекающие кровью, они с последней надеждой смотрели на меня. Я подошел к каждому из них и увидел, что это были кабардинцы, армяне и русские. Нет, этим ни за что здесь оставлять нельзя. Пришлось идти ва-

банк и поставить их в безвыходное положение. Очень серьезно и внушительно, чтобы не оставить никаких сомнений, я сказал:

– Обещаю, что ни одного из вас не бросим здесь, но только при одном условии: если сами себе поможете; будем прикрывать вас, осталось совсем немного. Никто вас нести не сможет, кроме двоих, остальные все ранены. Мы не знаем, что нас ждет за оградой. Если там тихо, перебросим вас через забор, а оттуда пойдём к реке, там и до наших рукой подать. Река в этом месте неглубокая. Ну а кто не сможет ползти, останется здесь, и пусть не обижается...

На этом и порешили. За высоким забором, укутаным по самый верх колючей растительностью, начался двор маленькой лесопилки, представлявший собой прямоугольную форму, длинный конец которого выходил на берег реки. Кто там нас ждал, мы не знали, но главная опасность заключалась в том, что этот ровный участок, приблизительно 40 на 60 метров, наверняка был заминирован. К левой части двора примыкала большая стена хозяйственных построек, за которыми и переправлялась через реку основная группа наших бойцов. Стрельба и взрывы от снарядов не умолкали, а только усиливались.

Не помню, кто именно, но кто-то с трудом перелез через высокий забор и прыгнул на ту сторону прямо на колючки. Через несколько минут он вернулся к стене и сказал, что вроде бы там тихо и никого нет. Это и насторожило. Наверняка мины во дворе.

Оставалось преодолеть бетонный забор. Обессиленные, мы каким-то образом, помогая друг другу, перекинули через ограду шестерых раненых, а затем перелезли сами. Спрыгнули на колючки, которые в какой-то степени самортизировали наше падение. Было не до царапин и ссадин. Мы огляделись вокруг. Никакого движения. Пустой темный двор, а впереди виднеется белый берег Гумисты. Алмасхан и Ремзик осторожно прошлись по краю двора. Вроде никаких растяжек не было. Значит, просто противопехотные в земле.

От усталости и бессилия уже было всё равно, как погибнуть, главное, хотелось, чтобы это было мгновенно и безболезненно. Но внутри было ощущение того, что игра продолжается и это ее финальная часть. Существует же закон подлости. Вроде как рукой подать, всего каких-то 50 метров – и ты дома. Но их же надо пройти...

Наверное, такое возможно в очень редкие минуты отчаяния и усталости, когда тебе становится безразлично. Я понимал, что идти придется мне, и по-другому быть не могло. Но маленькая надежда всё-таки теплилась. Везение. Удача.

Собрал всех у края двора по центру, вместе с ранеными человек десять, и говорю:

– Пойду прямо до берега, не отклоняясь ни на шаг в сторону. Если повезет, поползете за мной, буду ждать вас у реки. Переправим вас, а после пойдём мы. Ну а если не повезет, то надеяться не на кого, действуйте по обстоятельствам.

Перекрестился и пошел не спеша прямо по центру. Одел штык-нож на автомат на случай, если увижу какой-либо бугорок. Глаза уже привыкли к темноте, да и небо было очень звездным. Шел, постоянно тыкая перед собой штык-ножом в землю... Половина пути была пройдена. Присел на корточки передохнуть. Пот лил с меня градом. Страх сковал мои ноги, не могу шевельнуться. Вот уж действительно, легче сорок раз с врагом в рукопашную схлестнуться, чем один раз на минном поле оказаться. А может, здесь и нет мин. Вот был бы цирк...

Забегая вперед, скажу, что в этом злополучном дворе даже после войны люди подрывались на минах. Но тогда мысль о том, что там, может, и нет мин, воодушевила меня, и я, воспрянув духом, продолжил движение к спасительному берегу. Но когда дошел до берега и присмотрелся, увидел, как справа, в тридцати метрах от меня, наши ребята, держась за руки вместе с ранеными, переправляются на противоположный берег. По ним периодически вели пулеметный огонь, слева и справа по берегу. Били, правда, издалека – похоже, из кемпинга, метров с четырехсот. Спасло наших ребят то, что в том месте, где переправлялись, берег был немного выше реки. Но стоило выйти из реки, как они попадали под перекрестный огонь. Многие так и лежали в воде. Те, кто успел перейти, как могли прикрывали отход, стреляя в темноту в направлении огня противника.

Я лег спиной на берег и дал две короткие очереди транссирующими. Это был знак моим раненым. Дальше я пополз по каменистому берегу к воде, чтобы утолить

жажду. Лучше бы этого не делал! Прильнул к воде – и не могу оторваться. Ничего вкуснее никогда не пил. Холодная вода побежала по жилам, и я чуть было не зачоченел. Каким-то усилием оторвался от воды и перевернулся на спину. Кто бы поверил, что от воды можно умереть! Остыл настолько, что стало хорошо и потянуло на сон. Так бы и лежал, если бы не подошедшие Алмасхан с Ремзиком. Они приподняли меня, и ко мне потихоньку стал возвращаться рассудок.

Скоро уже все шесть раненых были на берегу. Я их предупредил насчет воды. Кто-то из них, обрадовавшись, что доковыляли до берега, пошутил:

– Теперь хоть не поползем, а поплывем.

Но не зря говорят, что последние метры пути особенно тяжелы. Мы все подошли к реке. Ширина в этом месте была небольшая, метров 30. Первым пошел Ремзик Чепиа. Он зашел в воду и двинулся наискось, в сторону течения. Где-то посередине вода оказалась ему по грудь. Следующими отправились вплавь раненые. Мне было за них спокойно, потому что в любом случае они выходили на излучину реки, а там уже были наши.

Несмотря на перестрелку, переправа продолжалась, и было видно, что изредка по нам ведут огонь и с наших холмов. Я включил рацию и вышел на связь, думая, что там на что-то способны. А они только отвечают, что всё понятно и всё сделают. Я дал несколько очередей трассерами в небо и просил не стрелять в нашу сторону и чтобы оказали помощь раненым. На что они ответили, что видят нас и скоро помогут. На самом деле

нам стали оказывать реальную помощь только на следующий день. А командир отряда Гена Маан смог выйти только на пятые сутки ночью, и уже на нашей территории с него потребовали пароль. На его абхазскую речь никто не реагировал, мало того, он чудом остался жив, пули пролетели немногим выше головы.

Вместе с Алмасханом Лакоба мы вошли в воду и, тоже наискось, пошли к берегу. Бушлат сразу набрал воду, и я потяжелел вдвое. Холод сразу же пронзил меня насквозь. Рация была высоко на груди, в карманах гранаты и патроны рассыпью. Чтобы не упасть, я раз за разом опирался о дно реки автоматом, на который был надет штык-нож. Добравшись до берега, я остановился передохнуть и увидел, что большинство раненых лежат в воде и не могут подняться, так как грузинские пулеметы бьют прямо поверх их голов. Несколько раз кто-то выбегал из-за небольшого бугорка и, поднырнув под раненого, уходил с ним обратно. Я узнал его в темноте. Это был пленный грузин Шенгелия.

– Командир, это я! Видишь, что я делаю, – говорил он и снова спускался к реке. Ему везло.

Кто-то дернул меня за ногу. Я нагнулся посмотреть и увидел, что это был Тофа Маан.

– Меня опять ранило, – сказал он.

– Куда?

– Туда же, – ответил он, держась за бедро. – Во второй раз пуля задела седалищный нерв.

– Ничего, Тофа, до свадьбы заживет! Сейчас спешить уже не стоит. Лучше простудиться, чем погибнуть. Мы

уже дома. Полежи тут пока, выше опаснее. Скоро уже помогут.

Вижу опять, как с нашей сопки по нам стреляют трассерами, несколько раз подряд.

– С ума они сошли, что ли? – кричит Алмасхан. – Ора, х,апсуауп! Х,ара х,оуп, Алмасхан Лакоба соуп! Шэымхысан, шэымхысан!

Я сунул пальцы в рот и свищу им, голоса совсем уже нет.

– Ядрёна мать, мы уже за Гумистой, куда по своим стреляете?! – кричу им, но кто нас слышит...

И вот что интересно, стоим с Алмасханом и знаем, что со всех сторон стреляют, и даже не шевельнемся. Не потому, что не боимся, просто сил уже нет никаких. И вдобавок заоченели от холода. А здесь раненые в ледяной воде лежат, и мы ничем им помочь не можем. И вот наступила точка кипения, и такая, что уже всё было нипочем.

Я двинулся в сторону стрелявших и сказал:

– Сейчас я вам устрою второй фронт, суки слепые, если кроме как по своим стрелять не можете! Покажу я вам, как стрелять кучно и без промаха, бедные ваши матери! На курок мне сил хватит!

– Кто не пойдет с тобой мочить их, того... – выругался Алмасхан и встал рядом со мной, хотя и был ранен в плечо.

Часто вспоминаю этот момент: что было бы, если?.. И всегда прихожу к одному выводу, что тогда всё так и сделали... Или мы своих, или свои нас.

И будто бы нас Бог уберег от большого греха.

Не успели мы сделать и трех шагов, как услышали приближающийся, шипящий шум снаряда из-за Гумисты. Все произошло мгновенно. Взрыв, огонь, подкошенные ноги и полет... Снаряд взорвался прямо под ногами!

Очнулся, когда уже только-только начинало светать. Первое что увидел, – окровавленную и неимоверно опухшую руку и палец, висящий на белых сухожилиях. Как ни странно, боль была терпимой. Голова гудела не переставая. Стал бинтовать руку. Потом хотел привстать, но тут же завалился от боли. Левая нога не слушалась, ботинок заплыл кровью, под колено будто клин забили... Рация, которая висела на шее, разлетелась вдребезги, автомат был пробит в двух местах насквозь.

Обстрел со стороны грузин продолжался какое-то время, но после прекратился. Вижу, как ко мне подползли двое, один из них был Муца Дзидзариа, они меня и подняли прямо наверх, по короткому пути, к автотрассе, где последний поворот перед спуском к гумистинскому мосту. Всё это время и после грузины обстреливали этот участок фронта уже из пулеметов. В небольшой яме у обочины мне оказывали первую помощь Валера Гобечия, с ним были еще двое. Обработывая мои раны, Валера говорил одно и то же:

– Какую операцию загубили! Какую операцию!.. Сколько ребят угробили... Ох, и зря... Всё зря...

После все они погибли в вертолете...

Дальше меня на себе метров пятьсот нес Игорь Арсалия до верхнеэшерского штаба, а оттуда на машине отправили в госпиталь. Всё время, пока меня несли, я видел сотни вооруженных людей, которые не успели вовремя перейти Гумисту. Никто из них не смотрел на меня, старались отвернуться, а я до сих пор помню их лица, хотя и не знаю по именам... Еще запомнил, что больше никогда в жизни мне не было так холодно...

Послесловие

Во время переправы не обошлось без потерь, но большинство бойцов выжили.

Алмасхану Лакоба тоже повезло, из него вытащили девять осколков. Он прожил еще 16 лет.

Во время переправы погибла медсестра Ирина Гоцеридзе. Несколько раз она переходила реку, помогая раненым переправляться на берег.

Джон Агрба и Закан Маршания пропали без вести уже на Гумисте. Они тоже несколько раз возвращались за ранеными, чтобы помочь им выбраться из воды. Мераб Кове и Кува Еник погибли, когда прикрывали переправу раненых.

Виталик Гудалиа умер от ранения в живот в госпитале через неделю.

Даур Зухба был ранен в ногу, когда в очередной раз выносил раненого через Гумисту, а через пять месяцев погиб, защищая мост в Камане.

Май 1993 г.

* * *

Я написал обо всём, что видел и знал, спустя 20 лет после войны, по тем рукописям хроники, которые у меня сохранились. Написал о тех, кого знал лично, и о том, что видел своими глазами. Совсем немного было написано со слов бойцов моего отряда, которые вместе с другими группами откололись от нас ночью и оказались в полном неведении, так как остались без радиации.

Аналогичные истории происходили и на других участках фронта, разве что с большей или меньшей долей трагизма.

Для чего я это написал 20 лет спустя?

Не к юбилею, нет... Так как и после юбилея продолжается жизнь. А к тому, что выросло новое поколение, способное защитить свою страну, защитить то, что нам свято и дорого, – а значит, себя.

«Для чего?» – это самый главный вопрос, который мы должны задавать сами себе всегда.

Пока живы родители погибших, пока живы мы, кажется, что это нужно нам, так как боль утраты и чувство справедливости не утихает и не дает нам покоя. Но когда-то и нас не будет. И тогда на вопрос «Для чего?» будет только один правильный ответ: для будущих поколений.

Что должны знать будущие поколения? Что эта страна называется Апсны. Что в ней веками жили апсуа, и значит эта земля не может быть чьей-то еще, а может быть только в собственности абхазов. И все судьбонос-

ные вопросы между собой должны решать только абхазы. Так predetermined Всевышним.

Патриотом может быть только тот, кто в минуту опасности и в тот же час без чьей-либо подсказки пойдет защищать свою страну от надругательства. А кто согрешит перед ней, тому всё равно недолго жить – и никогда не попасть на небеса.

И последнее. Быть может, самое главное.

Берегите и храните оружие как зеницу ока. Тот, кто решит отнять у вас оружие, и есть враг.

Воин – это не только состояние духа, а тот, кто умеет воевать! Готовьте себя к этому до самой старости...

Май 2013 г.

Размышления молодого поколения о событиях мартовской наступательной операции

* * *

Давно лежал распечатанный рассказ Авто Гарцкиа у меня на полке, поглядывая на меня каждый раз с неизменным упрёком. Набравшись смелости, я начинала читать, но вновь откладывала в сторону бумаги, возможно оберегая себя от того эмоционального взрыва, который меня ждёт... Во время войны мне было 7 лет и к счастью я помню только отдельные фрагменты. Тогда я даже не понимала что такое война и что она делает с людьми. Моё поколение росло на обломках этой войны, я до сих пор помню гуманитарку, которую раздавали нам в школе или как меня, третьеклашку, с вокзала водила бабушка в 10 школу пешком. Лишь повзрослев, я начала давать оценку своим воспоминаниям и всегда, помнится, думала о том, как хорошо (если так можно выразиться), что на войне не погибали мои одноклассники, друзья и ровесники. Они были слишком малы для этого. Наверное, это непередаваемая боль - видеть, как умирают твои братья и друзья, а потом хоронить их своими руками на линии фронта....

Мне трудно сейчас что-то писать – слёзы не высыхают на лице, руки трясутся и вопросы эхом отдаются в моей голове. И резюмируя, хочу понять: что с нами произошло за какие-то 20 лет, что мы так не ценим свободу и Победу, которую эти ребята принесли нам ценою своей жизни? Вместо того, чтобы благодарить Бога

за возможность жить на своей Родине и говорить смело на своём языке, мы растоптали и обесценили всё то, за что эти воины бесстрашно рвались в бой.

Хочу выразить отдельную благодарность автору Авто Гарцкиа. Спасибо Вам за этот рассказ и за те эмоции, которые испытывает каждый при прочтении. В этих 30 с лишним страницах сплелось всё – героизм, трусость, подлость, жизнь, смерть... Надеюсь, Вашему примеру последуют многие ветераны нашей войны и у нас будет возможность ещё не раз услышать такие же истории, пропитанные болью и кровью бесстрашных воинов-горцев. Низкий Вам поклон!

Когония Лана

* * *

Только сейчас смогла прочитать эту историю! Столько воспоминаний нахлынуло. Как сегодня помню автобус, отходящий от дома Джона Кварацхелия. Красавец Арзик, Зюба с гранатометом через плечо, Чак, Даурчик Зухба! Весь город пришел проводить бойцов! Спасибо Авто за этот рассказ! Наши дети твоими глазами увидят правду той жестокой войны! И еще помню, как с папой пришли к тебе, раненному, в больницу и то, с каким восторгом ты рассказывал о том, как Даурчик с контузией взобрался на грузинский танк!

Гарцкия Эсма

* * *

Рассказать о своих чувствах после прочтения рассказа... Не самые приятные, не говоря уже о слезах, которые мешали читать. Ощущение, что ты находишься в гуще этих чудовищных событий, которые не оставили ни одного человека равнодушным. Поражает сила духа этих молодых людей, которые, не щадя своей жизни, сложили головы за освобождение нашей Апсны! Что мы можем сделать для них? В наших силах, по моему мнению, не забывать храбрость, героизм и отвагу, проявленную ими в жесточайшем бою, и, по возможности, доносить это до подрастающего поколения!!!

Шларба Илона

* * *

На протяжении всего рассказа не оставляет чувство чудовищной несправедливости... осознать сейчас, в мирное время, что молодые люди (некоторые и гораздо моложе нас) шли на верную смерть... сейчас это невообразимо, сложно представить. Рассказ очень четко передал события тех дней, он вызывает в читателе чувство соучастия и сопереживания, но прежде всего – необъяснимое никакими словами чувство гордости! Гордости за то, что наша Родина воспитала таких славных сынов, таких героев, которые ценой своей жизни подарили нам будущее... Не знаю, нужно ли говорить, что я плакала, читая рассказ... плакала, даже рыдала... невозможно больно осознавать, с чем пришлось столкнуться этим, совсем еще молодым, людям, но с необычайной гордостью и восхищением приходит понимание

того, насколько достойно они сражались, когда помощи было ждать просто неоткуда... Этот рассказ – символ памяти, символ того, что мы помним чего нам стоила наша свобода. Пока мы будем помнить, мы будем теми, кем нам запрещали быть, будем теми, кем позволили нам быть эти герои... будем Апсуаа!

Квицния Алиса

* * *

После прочитанного очень сложно сдерживать свои эмоции. Такое чувство, что ты там, рядом с ними, спиной к спине... Истинные герои своей страны, которые боролись до последних вздохов... Вечная память героям Апсны!!!

Шакая Аслан

* * *

Это самый тяжелый период нашей войны! Именно мартовское наступление было самым кровопролитным для наших ребят! Мы не должны забывать то, что сделали наши ребята! Мы должны помнить их и чтить их память! Мне бы хотелось, чтобы каждый участник боевых действий написал свою историю... Подрастающее поколение должно знать своих героев и понимать, какой ценой досталась нам Победа!

Гицба Адица

* * *

Рассказ, как ушат ледяной воды пробуждает от беспечной будничной рутины, вызывая бурю противоречивых эмоций, от переполняющего чувства гордости за героев, до позывов тошноты от того, насколько труслив и ничтожен может быть человек. Но главное: рассказ рождает какое-то необъяснимое, отчаянное стремление каждым днем своей жизни доказывать, что все это было не зря!

Лаквитава Аслан

* * *

Пока жива в абхазах память о днях минувших, у нас есть прошлое, полное преодолений, героизма и побед.

Пока мы сражаемся за свою свободу, свою независимость и честь, у нас есть настоящее!!!

И у нас есть будущее, потому что наши матери рожают новое поколение абхазов, готовых жить и умирать ради своей Апсны.

Когда молодежь смотрит военную хронику, – загляните в глаза смотрящим, – и вы увидите лучшее подтверждение моих слов. Каждый раз внутри у них что-то воспламеняется и горит так ярко и звонко, что в глазах виден огонь боли, любви и смелости. Точно такой же, как в тех молодых ребятах, которые сражались и умирали тогда за нашу свободу. Этот взгляд и есть самый главный залог будущего Абхазии. Мы влюблены в свой

народ и в свою республику. Нашим врагам не на что рассчитывать!!!

Абхазия Была, Есть и Будет!!!

Пачулия Оксана

* * *

Подобные рассказы читаются на одном дыхании.

Это не столько историческая хроника или новостные сводки. Это как летопись, неотредактируемая правда, позволяющая хоть немного пережить события тех дней.

И даже дело не в том, что это именно 16 марта. Подобных черных дней для нашей истории множество, и каждый из них отмечен невосполнимой потерей, кровью наших братьев, отцов, матерей, сестер...

Безусловно, подобный материал должен быть прочитан каждым, кто позволяет себе назвать себя патриотом, потому что это история нашего народа. Нельзя заменить ничем мужество, героизм и самоотверженность солдат, отстаивавших родину собственной грудью. Так же, как и нельзя забывать о тех, кто не смог сполна насладиться победой и свободой нашей Апсны.

Вечная память павшим героям и тем, кто помог нашему народу выстоять и победить!

Чачхалия Инар

* * *

В первую очередь хочется почтить память павших героев, сложивших свои головы во имя Великой победы абхазского народа. Вечная память героям Абхазии!

Также выразить огромную благодарность автору этого рассказа Автандилу Гарцкия за его написанную работу «Мы за Гумистой».

По мне, эту работу должен прочесть каждый уважающий себя гражданин нашей маленькой, но гордой Абхазии. Мне понравилась цель написания данного исторического военного рассказа.

Как отвечает в конце рассказа сам автор «Для чего я это написал 20 лет спустя?

Не к юбилею, нет... Так как и после юбилея продолжается жизнь. А к тому, что выросло новое поколение, способное защитить свою страну, защитить то, что нам свято и дорого, – а значит себя».

«Для чего?» – это самый главный вопрос, который мы должны задавать сами себе всегда.

Пока живы родители погибших, пока живы мы, кажется, что это нужно нам, так как боль утраты и чувство справедливости не утихает и не дает нам покоя. Но когда-то и нас не будет. И тогда на вопрос «Для чего?» будет только один правильный ответ: для будущих поколений».

Будущее поколение – это то, что мы воспитываем сегодня, и если мы будем гордо исполнять свой долг перед нашим Отечеством (а под этим, я подразумеваю

то, что каждый парень должен сам идти в военкомат и получать свою повестку, а не ждать, пока его призовут, или же за ним приедут), мы будем еще более уверены в своих силах, мы будем знать, что наши сыны не боятся армии, так же, как и их отцы, деды, матери, родственники которых во время войны шли с гордо поднятой головой на защиту нашей Родины.

Отдать свой долг матери – Апсны, земле, которая пропитана горькими слезами и кровью нашего народа, я считаю должен сделать каждый уважающий себя абхаз и все представители крепкого и здорового мужского пола, которые проживают на этой священной земле, и которые еще не почувствовали вкус армейской жизни.

Быть достойным защитником Отечества - вот что должно сегодня царствовать в сердцах и разумах нашей молодежи. Но, к великому сожалению, не каждый из нас осознает это. И многие даже могут над этим посмеяться. А может сегодня быть солдатом это не модно? Или, это так трудно войти в ряды абхазской армии и отслужить, а точнее, хоть научиться обращаться с военной техникой. И, не приведи, Господь, к тому, чтоб эти навыки кому-либо пригодились бы.

Только покойник и трус никогда не смогут служить в армии.

А всем солдатам, – просто спокойной службы!!!

Отрывок – «В дали от дома»

*«Дай бог, чтоб солнце здесь всегда светило
И войн не ведала ты.
А только, чтоб ты процветала
Моя любимая Апсны!»*

Сущенко Георгий

* * *

Что касается выше приведенной истории «Мы за Гумистой», то, прочитав его, ни один человек не сможет остаться равнодушным. Спасибо за возможность окунуться в те времена, дабы понять цену нашей Победы!

Георгий Берzenia

* * *

Действительно, прочитав данный рассказ, как указано выше, он вызывает бурю разнообразных чувств и эмоций. Ты проникаешься в него, становишься частью этого времени и сражения, который описывает автор; видишь, чувствуешь и переживаешь ту боль, страх, храбрость и мужество одновременно, которую испытывали герои. То величайшее мужество, которое проявили эти солдаты, никогда не забудется. Это действительно достойнейшие сыны своего Отечества! Такие молодые и такие храбрые, они пожертвовали своими жизнями без колебаний! А что касается тех, которые боялись сражаться и прятались в подвалах, то их, думаю, тоже можно понять: война для многих из них была скорее внезапной, хоть, как и говорит автор, что на тот момент она продолжалась уже восемь месяцев. Они так же любили свою Родину, как и другие

соотечественники, но чувство страха на тот момент преобладало. Но конечно на тот момент, когда вокруг война и не хватает свободных рук, в глазах своих товарищей им не было оправдания. А тем героям, которые пали смертью храбрых – вечная память! Вечная память героям Абхазии!

Ашба Алла

* * *

Вечная память нашим героям! Не знаю, как объяснить свое состояние: столько эмоций и слез! Этот рассказ меня потряс! Такое ощущение, будто я все это видела своими глазами. Так больно становится на душе, понимая, что их не вернуть! Мы обязаны помнить их! Это то небольшое, что мы можем сделать!

Шакая Шазина

* * *

Невозможно описать свое состояние после прочитанного, описать всю боль за тех людей, кто отдал свою жизнь ради будущего своей Родины, тех, кто не отступил... ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ГЕРОЯМ АБХАЗИИ!

Шнахова Заира

* * *

Господи! Что за зверье на нас напало. Задаюсь только одним вопросом- За что? Неужели наш народ в чем-то провинился, что Боженька так нас наказал? Неужели маленькие дети в чем-то согрешили, и наказание им за то – расти без полноценной семьи? В чем провини-

лись родители?.. Почему они должны видеть смерть детей? Матери, которые не смогли проститься с детьми, отправить их в последний путь. Читая все это, меня не покидало чувство Гордости... Низкий поклон тем, кто без малейшего сомнения и страха подарил нам сегодняшнюю жизнь. Говорить о слезах нет смысла, ибо не один нормальный человек не останется равнодушным. Спасибо автору, что дал нам возможность ощутить все то, что ощущали они в тот момент. Слова тут лишние... Дай Бог, чтоб наше поколение всегда помнило героев в лицо. И брали пример с них! Вечная память, Героям Апсны!

Когония Амина

* * *

Я не видел войну и не помню ее! Все по рассказам, историям и видеохроникам. Но я прочел это. Знаете, я почувствовал как ему тяжело об это рассуждать, рассказывать об этом. Меня поразила достоверность фактов. Я читал рассказ и одновременно вспоминал то, что говорили мне мои старшие. Все так же тяжело, все так же с грустью... Будто автор перевоплотился в Габриэля Маркеса и заново написал «Сто лет одиночества»! Весь рассказ – реальная и ощущаемая грусть... Нет, я не плакал, но я полностью опустошен. Замечу, что пишет автор очень увлекательно – видимо как и все, кому есть что сказать... как те, кто пережил это. Я абсолютно уверен – если в нашем поколении среди Апсуаа есть

хоть сотня таких людей, какие описаны в рассказе, значит не все еще потеряно и все будет хорошо! Главное не стать как в той книге – последним из рода Буэндиа.

Не исчезнуть в урагане времени и забвения, ибо ничего не забывается, а время не лечит!

Кобахия Мачич

* * *

Автор – Автандил Гарцкиа, сам являясь участником отечественной войны, в своих рассказах правдиво отражает события, подвиг абхазских бойцов. Он отражает бесстрашие молодых ребят в войне, любовь и защиту своей родины, сплочение, и как абхазский народ, вставший на защиту родины, закалялся в бою. По моему мнению, мы, молодежь (подрастающее поколение), прочитав этот рассказ, должны понимать и осознавать, каким трудом и потерями досталась нам победа. Каждый молодой человек, живущий в Абхазии, должен чтить память героев и любить также свою родину.

Квициния Астамур

Формат 70x100 1/32. Тираж 1000. Физ. печ. лист 3.
Усл. печ. лист 3,9. Заказ № 4.
Отпечатано в РУП «Дом печати», г. Сухум, ул. Эшба, 168.